

5. Телевизор МАИ - год последний

Борис Розенблат

№ 5

Здесь рассказ о «Телевизоре» - эстрадно-сатирическом театре Московского Авиационного Института. Мне повезло в нем участвовать, когда учился в МАИ. «Телевизор» существовал чуть более пятнадцати лет (1950-1966 г.г.) и был в свое время очень популярен. Последний его спектакль - «Выеденное яйцо или Снежный ком», оказался самым ярким событием в биографии театра. Но не менее яркими были события и вокруг этого спектакля. Собственно о них эта глава, которая вошла в сборник воспоминаний «Жил да был «Телевизор» в МАИ» (изд-во МАИ, 2007).

В спешке, при подготовке к печати, было сделано много грубых редакторских ошибок, вызванных, в основном, вкусовщиной и непреодолимым желанием адаптировать все под своего, институтского, читателя. При этом вину за эти ошибки целиком беру на себя, потому что не перепроверил текст перед изданием.

Сразу хочу выделить самый большой промах - из главы не удалили два обзаца (стр.194), в которых ваш покорный слуга нелестно отозвался о поведении известнейшего артиста советской эстрады - Льва Мирова, за что, стократно, прошу прощения у его светлой памяти и читателей сборника. Мне - это серьезный урок.

Далее первоначальный текст с небольшими дополнениями

Посвящается авторам и участникам спектакля
“Выеденное яйцо, или Снежный ком”
и всем зрителям, видевшим эту сатирическую комедию

«ТЕЛЕВИЗОР» - ГОД ПОСЛЕДНИЙ

...Когда от всех тех лет
Остались пересуды...

Б.Пастернак "Свидание"

11 мая 1966 года на имя ректора МАИ пришла телефонограмма из Московского городского комитета КПСС: «явиться к секретарю по идеологии».

В таких повестках никогда не говорилось, ради чего вас туда вызывают. Классический прием: получатель должен жить в неопределенности и страхе, и в назначенное время прийти к ним уже готовым для оформления явки с повинной. Не будьте наивны, будьте бдительны. Для новых "разработок" они никогда не перестанут пользоваться старыми методами. Сейчас их «научные центры», скорее всего, финансируются по статье нанотехнологий. Грубую работу приходится имитировать как тонкое дело.

Ректор института И.Ф. Образцов был человек неробкий и опытный. Он умел читать между строк, как по печатному и, только взглянув на текст телефонограммы, сразу понял, что речь пойдет о “Снежном коме”. Последние четыре месяца, в среде московской интеллигенции, было много разговоров о спектакле “Выеденное яйцо, или Снежный ком” студенческого коллектива “Телевизор”. Ректор также понимал, что неприятное эхо кривотолков и пересудов о спектакле, люди приносили не только в его кабинет.

Он немедленно дал указание подготовить свои предложения – первому заму секретаря институтской парторганизации по идеологии К.А.Голубю, человеку на редкость порядочному при такой сволочной должности, и “беспартийному коммунисту”, директору Дома Культуры А.Э.Бронштейну (в миру и среди преферансистов - просто Брон).

Все напряглись. Предстояла серьезная выволочка: будут нудить о важности идейной работы с молодежью, до печенок достанут разговорами о слабом контроле со стороны старших товарищей, а в конце припечатывают чем-нибудь “строгим”. Обычно против этой тягомотины выставлялись два варианта - если умели, разводили такую же демагогию, или разыгрывали сцены раскаяния.

На совещании у ректора, Бронштейн предложил совершенно новый

подход. Он объединил оба варианта: « Берем с собой, в качестве коровы на заклание, кандидата в члены КПСС, старосту коллектива Леню Хавронского. Надо, чтобы вначале выступил он. Дадим ему слово. Он горячо говорит о сильном желании комсомольцев помочь партии, о борьбе с плохими чиновниками. Ведь это они все портят и тормозят. И пусть он несет про это, пока не остановят. Потом вы, товарищ Голубь, как большой мастер партийных посиделок, крикнете про свои недостатки. Только немного. А дальше валите все на молодежь – какая она сырая, неопытная. В общем, делаем ставку на талант молодого кандидата, у которого в подпевке будут старые и опытные члены. А с Хавронским я уже обо всем договорился».

Сценарий был принят.

В час “икс”, вчетвером на двух «Волгах» они подъехали к МГК партии. Поднялись на третий этаж. Дверь была открыта, но они не вошли в пустой кабинет, а сели в приемной.

Обычно, если пригласивший опаздывает и не встречает вас, это ставит его в положение как бы провинившегося перед приглашенными. И будет естественно, если он войдет со словами: « Извините, я немного задержался...». Вы, конечно, его простите - «Ничего страшного (типа – мы, мол, понимаем государственную важность ваших дел...)». Пока - ничья, а потом - как пойдет. Каждому представлялось примерно такое начало. Вся творческая группа расслабилась. Исчезла тревога, можно оглядеться ...

И конечно никому из них в голову не могло прийти, что глаз тайного наблюдателя очень внимательно следил за ними и только ждал момента полной успокоенности, т.е. момента, когда брать их живьем было одно удовольствие.

Петрович из гоголевской «Шинели» тоже «...очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь озадачить совершенно и потом поглядеть искоса, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.» Но, если для Петровича эти эффекты были забавой, то для нашего наблюдателя они были главной особенностью его работы.

И вот он дал отмашку.

Сразу же из радиодинамиков, которые впотай были вмонтированы в стену, раздались громкие позывные и слова диктора: « Вы слушаете «Голос Америки» из Вашингтона. Новости ... - и далее – о событиях в мире». Всех чуть придавило от такой неожиданности, и первая мысль - « Раз дают слушать запрещенное радио, значит нам доверяют, значит мы здесь свои. А у них такая обязанность - быть в курсе и следить за ходом истории».

Диктор продолжал: « Сейчас – новости культуры...» – и опять несколько сообщений, среди которых предпоследней была информация о каких-то волнениях среди чешских студентов. А затем прозвучали главные слова: « Если хотите знать правду о советской действительности, смотрите спектакль Московского авиационного колледжа “Снежный ком, или Выеденное яйцо”!» Мгновенно вернулись тревога и

вторая мысль – та, что была еще перед первой: «Нет, мы здесь не свои»

В динамиках еще не закончилась музыкальная заставка, а в дверях уже стояла хозяйка кабинета, товарищ секретарь по идеологии. И с порога: «У вас вопросы есть?!». Только одному Богу и товарищу секретарю по идеологии досталось видеть, какие были лица у «озадаченных». Образовалась пауза. Буквально доли секунды были отпущены на то, чтобы им повиниться и тихо уйти. Все это поняли сразу. Все, кроме Брона. В этот раз чутье изменило ему - и он, не прочувствовав прикуп, не отказавшись от своего «Ноу-хау», объявил игру: «Я предлагаю дать слово Лене Хавронскому». Представитель наблюдателя в ответ, уже с металлом в голосе: «Ка-ко-е слово? Может быть, вы хотите дать интервью своим друзьям за океаном?.. Мы еще разберемся кто пригласил их на это ваше «Выеденное яйцо». Чтобы завтра этого коллектива не было! Чтобы я о нем больше ничего не слышала! Вам все ясно?»

Надо отдать должное ее воспитанности, она не произнесла вслух: «А теперь пшли вон!» Но сценаристы умели читать и между строк, и чужие мысли тоже. Пока навозу по колено, пока не потребовали «партбилеты - на стол», не оборачиваясь, они растворились в коридор, и до первого этажа не обронили ни слова. Только на улице, возле своей машины, ректор вдруг сказал резко и смело: «Нет. Такой наглости я не ожидал. Так унижить! Колледж. Это ведь техникум. Назвать колледжем ведущий институт страны! Какая наглость!»

Моему современнику не надо объяснять, в каком компетентном органе была сделана и смонтирована эта запись, при тотальном глушении западных радиостанций. Не надо объяснять, в каком центральном органе была написана одноактная пьеса, длившаяся не более трех минут, написана по всем законам драматургии. Не надо объяснять, в каком внутреннем органе была сделана режиссерская разработка с точно расставленными акцентами, паузами и блестящей немой сценой.

Николай Васильевич в «Предупреждении для тех, кто пожелали бы сыграть, как следует “Ревизора”», писал: «Последняя сцена “Ревизора” должна быть сыграна умело. Здесь уже не шутка, и положение отдельных лиц почти трагическое». На Старой площади не читали “Предупреждение”, зато могли многое другое. И для каждого, кто после того майского дня захотел бы бороться за “Снежный ком”, положение действительно было бы нешуточным и трагическим.

Телевизор закрыли и, слава Богу, обошлось без жертв. То, что Голубя переизбрали, то, что Образцову к юбилею вместо звезды Героя Соцтруда дали почетную грамоту, а Хавронского еще три года не принимали в партию – все это не в счет. Вспоминая, что сопровождало недолгий путь “Снежного кома”, можно сказать, что спектакль несомненно был культурным событием союзного значения. И не только потому, что “Телевизор” стал лауреатом Первого (и последнего) Всесоюзного фестиваля студенческих эстрадных театров. Это был спектакль самого высочайшего уровня. Простота сюжета и точность слова, в сочетании с потрясающей сатирической силой, сделали его невероятно смешным, а потому очень «антисоветским». Ничего подобного тогда не было не только на самодеятельной, но и на профессиональной сцене.

Эпизод закрытия в точности списан со слов Хавронского. Из лоскутков только своих воспоминаний мне вряд ли удастся сшить гладкое и ровное по краям полотно. К нему обязательно нужно будет приторачивать рассказы других. Ведь прошло более сорока лет.

Велико желание хоть как-то отблагодарить тех, кто создал спектакль. "Не всех поименно, но всем по поклону".

II

На третьем курсе случайно увидел объявление "Приглашаем авторов и актеров".

Автор из меня никакой, а актером был, как сказали бы в репертуарном театре, где-то третьего-четвертого плана. Но, увидев объявление, решился пойти на смотрины.

О "Телевизоре" слышал еще до поступления в институт, сначала от соседки – она дружила с ребятами из МАИ, а потом – в очень популярной на всю страну радиопередаче "С добрым утром". Передача выходила только по воскресеньям. В конце ее, на сладкое, всегда давали самое-самое. На этот раз было выступление Джаз-оркестра МАИ и несколько миниатюр-минуток из "Телевизора".

Две из них помню.

Первая.

- Доктор, зуб болит. Рвите!
- Но он же у вас совсем здоровый?
- Рвите!
- Но только под вашу ответственность.
- Рвите!... А-А-А!!!... Теперь шправочку.
- Зачем?
- Я на лекцию прошпал.
- Какая лекция? Сегодня же воскресенье.
- А-А-А???....

Вторая.

- Ваня! В поход с нами пойдешь?
- Не-е-е! Я же непьющий.

Эти шутки и сейчас часто можно увидеть в юмористических разделах газет, журналов, услышать с эстрады. Правда, авторов у этих шуток теперь много – кто выступает, тот и автор, или, как теперь говорят, - кто первый украл, тот автор.

Если хорошую шутку повторяют на улице – это здорово. Мне, например, радостно слышать где-нибудь в троллейбусе: «Вчера рыбачили. Мелкую выбрасывали, а крупную складывали в баночку из-под майонеза». Приятно вдвойне, потому что знаком с ее автором – Эдиком Успенским. Но когда профессионал-юморист произносит эту шутку публично, приписывая себе

авторство, мне становится обидно, даже не за Успенского, а за себя, поскольку выступающий нанес мне щелчок, принимая за невежду, а возразить, т.е. защитить себя от унижения, возможности нет. Этот профессионал, бессовестно воруя, потерял самое главное для любого автора - чувство стыда, чувство, которое, по определению русского философа Вл. Соловьева, относится к числу тех немногих признаков, что отличают человека от животного.

Вообще-то говоря, воровство – единственная традиция в России, которую не разрушила постоянно рвущаяся у нас связь времен. Сейчас, например, можно, незаметно для народа, положить в карман пару месторождений, несколько приисков, на худой конец, какой –нибудь промышленный комплекс и при этом прославиться, как видный общественный деятель. Однако слава эта всегда будет не уютной - за ней постоянный хвост подозрений, завистливых взглядов в спину, да и недолговечна она. Совсем другое дело, имидж "политического тяжеловеса", застрявшего в памяти народной тонким остроумцем и блистательным шутником:

- Правительство – это не тот орган, где, как говорят, можно только языком.

С этим попасть в энциклопедию между Чемберленом и Черчелем конечно можно, но к сожалению только как карикатура.

А вот:

- Хотели как лучше, а получилось как всегда.

Это на века.

Но здесь, бьюсь об заклад, что автор этих слов, кто угодно, только не автор книги « Хотели как лучше...».

В Питере, лет пять-шесть тому назад, в театре «Приют комедианта» был поставлен моно- спектакль «Сон Гоголя». Текст его - это очень аккуратно склеенные выдержки из произведений, заметок и писем Николай Васильевича. Автором всей компиляции был актёр, игравший Гоголя – Игорь Волков. По ходу спектакля, от лица своего героя он приносил: « В России так всегда, хотели как лучше , а получилось как всегда...» При этом, после сказанного, Волков нарочито выходил из образа Гоголя, и уже от себя добавлял, обращаясь в зал, что автор цитаты именно Гоголь, чем приводил публику в совершенный восторг.

Прошли годы от виденного мною и, чтобы сейчас быть достоверным в предложенном вам споре, созвонился с И. Волковым и попросил его указать точный адрес цитаты. Актер и составитель текста ответил, что при подготовке пьесы перелопатил почти всего Гоголя и сразу не может вспомнить, откуда взял эти слова и отослал меня при этом в « Выбранные места из переписки с друзьями».

Внимательно, точно под увеличительным стеклом, прочитал «Выбранные места...». Не знаю, может увеличение было слабой кратности, но ничего не нашёл.

Во втором разговоре с Волковым, наверно чтобы скорее отмахнуться от зануды, прямо сказал мне, что за давностью не помнит, где именно наткнулся на эту фразу, а, может быть скорее, на подобную, но продолжал утверждать, что у Н.В. она есть. Оставляю на совести актера твердость его мнения и допускаю, что у Н.В. есть только что-то похожее. Допускаю даже, что у Н.В. её нет вовсе.

Вот ещё версия, изложенная в "сети", - будто слова эти принадлежат бывшему премьер – министру В.Павлову и сказаны они были по поводу неуклюже проведенной денежной реформы. Допускаю, что и эта версия неверна. Всё равно настаиваю, что сказанное было услышано от кого-то и повторено нашим «крепким хозяйственником».

Ну, не мог он...

« Мы пойти на какие-то там хотелки, как говорят, я извиняюсь, кто-то хочет больше, но здесь так не бывает.»

Ну, просто не мог он ...

В истории словесности еще не было случая, когда косноязычие рождало бы красноречие.

- Россия должна со временем стать еврочленом.

Не мог и всё тут.

И последнее - СЛОВО, в отличие от «сметных материалов и несметных богатств», незаметно украсть нельзя - обязательно поймают. Хотя за это еще никого не осудили, но нельзя. И пока чувство стыда не вернется на место и не станет в один ряд с чувством юмора - воровство будет тотальным, а настоящих авторов будет ждать забвение.

Однако вернусь к «Телевизору». До поступления в институт, еще раз встретился с ним, на этот раз вживую увидел его выступление в ДК МАИ на дне открытых дверей. И вдруг такая удача, через несколько лет представился шанс самому оказаться в нем!

Мастеров, подобных мне, в “труппе” оказалось много. Атмосфера добра и веселья, магнитом притягивала каждого, кто в нее попадал. Никому не отказывали. Только этим можно объяснить, что при постановке спектакля никогда не было проблем с техническим обслуживанием. Ребята готовы были таскать, конструировать, рисовать, помогать актерам, лишь бы раствориться в этой ауре.

Шестидесятые годы можно считать пиком в истории культурной жизни института. Ежегодные весенние фестивали факультетских коллективов превращались в настоящие праздники. “Вертолет”, “Старт”, “Моторчик” и др. - по сути, это были маленькие эстрадные студии. В них творили талантливые авторы, музыканты, актеры, певцы, поэты. Из этой среды вышли М.Задорнов, Л.Измайлов (Поляк), Ф.Камов

(Кандель), Э.Климов, В.Полейко, Э.Успенский, В.Чебуров (Орлов), В.Чудодеев (Наринский), А.Янгель. и много других.

М.Задорнов проявил себя к тому же прекрасным организатором. Под его руководством, долгое время существовал Маевский Агиттеатр «Россия». И был он намного интереснее, чем некоторые нынешние «кривые» театры под началом народных артистов.

Вообще, факт добровольного объединения людей в творческие группы удивителен сам по себе. В Советском Союзе миллионы людей были заняты в различных кружках, своеобразных клубах по интересам, и государство активно это поощряло и даже финансировало. Не знаю, может быть, за группой легче было следить, чем за каждым в отдельности? Пусть так. Зато сколько талантов всплыло на поверхность, благодаря самодеятельности. Этот феномен советской культуры обязательно дождется своего исследователя.

Мне посчастливилось попасть в “Телевизор” в самый разгар его подготовки к встрече в КВНе с командой МАДИ. Это было в 64-м. Думаю, не все знают, что идея “Клуба Веселых и Находчивых” родилась на Центральном телевидении в 61-м. Авторами этой идеи были инженер электролампового завода Михаил Яковлев, врач и режиссер эстрадной студии МГУ «Наш дом» Альберт Аксельрод и журналист Сергей Муратов.

Как мне помнится, КВН пришел на смену незатейливой передаче «Вечер Веселых Вопросов» (ВВВ). Хотя она принципиально отличалась от КВН. Вели её Наташа Зацепина и Никита Богословский. Передача - не долгожитель. Исчезла она так. Дело было ближе к концу лета. Прямой эфир. Ведущие назначили приз тому телезрителю, который первым придет на передачу в валенках. Расчет был простой - лето, и валенки спрятаны далеко, кто будет копать, да еще ловить такси. Но пять-шесть чудаков обязательно найдется.

Это сейчас кухни попросторнее. А тогда приготовить обед, поесть и помыть посуду можно было, не вставая с табуретки. И комнаты в “хрущевках” были меньше канареечной клетки. Зимние вещи просто торчали из всех шкафов и антресолей. На передачу из соседних домов тут же прибежало несколько сотен человек не только в валенках - в шубах, шарфах, шапках, на шеях – муфты.

Со сцены, под натиском прибывающих, в зрительный зал вывалились радостные москвичи. Сдвинули занавес, а телекамеры отключить забыли, и из эфира вышли не скоро. Получилось живое и очень веселое зрелище. Такое нарочно придумать невозможно. Потому ВВВ срочно закрыли.

В 1961 году было несколько КВНов, которые длились почти весь вечер. Особенно запомнилась встреча студентов Москвы и Киева (кажется, это были ребята Физтеха и Института гражданской авиации). Ведущим помогали известные тогда эстрадники - Тарапунька и Штепсель, и они очень явно подыгрывали своим – киевлянам. Физтеховцы играли потрясающе, к тому же очень лихо осаживали популярных артистов.

С 1962 года регулярно, в последнее воскресенье каждого месяца, на экранах домашних телевизоров КВН стала появляться передача «КВН-62». Вели ее Наташа Защипина и Алик Аксельрод. О КВНе тогда много говорили и писали. В одной статье его назвали даже “импровизационным театром”. Первые КВНы шли в прямом эфире. У зрителей появилось новое ощущение – сопричастности к процессу творчества и игры. Конечно, был азарт.

Спор, какой КВН лучше – прошлый или нынешний, абсолютно беспредметен. Другой век - другое язычество. Да, конечно, название и ведущий те же. Есть жюри. Но передача совсем иная. В теперешнем КВНе нет объема. Разработана жесткая технологическая схема, превратившая передачу в машину с определенными техническими характеристиками: - Количество «шутков юмора» на единицу времени; Шесть человек в линию (с подтанцовкой сзади) на единицу длины; Наличие не менее двух певческих талантов на один музыкальный номер и не более трех, обязательно хвалебных, реплик на каждого члена жюри.

Что касается текстов. Очень много просто слабых, и это при том, что к их написанию безусловно привлекаются профессиональные авторы. Обилие команд и толпы людей на сцене в одной игре тоже не случайны. Конечно, здесь коммерческая первопричина, но к тому же, за счет суеты и мелькания разных лиц, выравнивается и общее впечатление. Зритель еще не успел сказать, про только что виденное: «Ерунда какая-то», а его уже отвлекли на другое и т.д. пока не появится мало-мальски стоящее, которое закрывает собой очевидные изъяны, а заодно оправдывает часть названия передачи - «Клуб веселых». Находчивости проявится негде, и у телезрителей нет больше азарта. Для них это своего рода концерт.

Со стороны может показаться, что мои замечания - это брюзжание человека «с раннего времени». Согласился бы с таким мнением, не будь у меня убежденности, что среди развлекательных программ придумка КВН - лучшая за все время существования нашего телевидения. Ни у какой другой передачи нет такого творческого потенциала, как у КВН.

Чтобы дать возможность выплеснуться молодой энергии и интеллекту по максимуму, нужно изменить концепцию. Убрать цензуру и разрешить сатиру в полной ее силе, а не только нежные и мягкие шаржи на президента. Надо вернуть на сцену находчивость, для чего создать специальную группу сценаристов для разработки импровизационных и игровых конкурсов, неожиданных и для участников, и для зрителей. Соревновательный азарт появится, если у нас на глазах будут творить две команды. Много времени занимают пустые песни, собственного сочинения, подложенные под известные мелодии. «АМИКу» надо будет найти в себе смелость - поступиться семейным подрядом, и пока в силе и расцвете нынешний символ КВН - ее ведущий, искать, пробовать и готовить нового ведущего, как это в свое время сделал Владислав Листьев на «Поле чудес». А.Маслюков - младший, безусловно, обаятельный и симпатичный человек, но не ведущий КВН. Нужны радикальные изменения. На мой взгляд, если их не сделать - КВН, со своей предсказуемой монотонностью, станет заурядной передачей. И всегда надо помнить главное - зритель в зале и зритель у экрана телевизора - это совершенно разные зрители.

Последние видят и тех, кто на сцене и тех, кто в зале. Отсюда восприятие зрелища и его оценка точнее. Уверяю вас, участники игр 60-ых годов, никогда не обольщались на свой счет относительно содержательной и творческой части своих выступлений. Много наивного и слабого было в тех играх, и далеко не все сейчас можно списать на предварительную цензуру и запреты. Но был дух игры, в полной мере отвечавший ее названию. И мы там были – мед, пиво пили.

Цельный и подробный рассказ об участии команды МАИ в КВНе, мне кажется, лучше сделают те, кто участвовал во всех играх. Однако не могу удержаться и не упомянуть, что в игре с МАДИ произошел случай беспрецедентный за всю историю передачи. В конкурсе “Пять минут искрометного смеха”, который оценивался максимальной оценкой 10 баллов, команда из МАДИ получила именно эту высшую оценку. А номер Хавронского и Степанова, написанный специально для них замечательным острословом Володей Хромовым, исполнен был настолько блистательно, что жюри оценило его в 12 баллов.

У студенческой молодежи нет печали и притуплено чувство страха. Как ни старались цензоры, но невозможно было убрать с экранов умные глаза, ироничную улыбку и живое слово. На фоне остальной мертвечины это выглядело как идеологическая диверсия. Поэтому нежеланный Клуб тоже прихлопнули.

В КВНе – капитан, в “Телевизоре” – режиссер были очень значимыми фигурами. Но, надо признаться, фактически и там, и там погоду делали не они. Безусловными лидерами в авторстве были Наринский, Орлов, Попов. Среди актеров непререкаемыми авторитетами были Хавронский, Степанов, Гусев и опять же Попов.

Думается, здесь будет уместно привести несколько картинок из их доинститутской биографии. За плечами Вити Степанова уже были главные и эпизодические роли в двенадцати полнометражных фильмах, среди которых: “Огненные версты”, “Пернатая защита” и др. Кто видел “Они были первыми”, должен помнить одного из героев фильма, которого играл Степанов – мальчика по имени Саня Чижик. Знаменитые кадры, где актер Юматов несет предательски убитого Чижика через большой заводской двор. Бандит убивал понарошку. По настоящему же наш Витя чуть не пострадал от рук Юматова. Они у него так немели от долгого прохода через двор, что после команды режиссера - «Стоп», Юматов тут же их опускал. Восемь дублей. Столько раз он ронял бедного мальчика. В фильм вошел первый дубль. Витя, к счастью, остался невредимый, а судьба определила так, что в дальнейшем талант и невероятное обаяние Вити Степанова светились в маевской самодеятельности. Занятно и другое, встречное, распоряжение судьбы из самодеятельности в профессионалы, о котором мы узнали совсем недавно. Оказывается, режиссер фильма «Они были первыми» - Ю.П. Егоров в свое время тоже учился в МАИ, руководил театральным коллективом, а впоследствии стал известным сценаристом и постановщиком многих фильмов, в числе которых классика советского кино – «Добровольцы»

Хавронский и Гусев до “Телевизора” вместе выступали уже несколько лет, и сами сочиняли тексты для своих выступлений. Был у них смешной номер “Две

старухи” (заметьте, придумали они его задолго до Владимирова и Тонкова) и они решили показать (продать) его известному эстраднему дуэту - Е.Вестнику и Г.Дуднику

Созвонились. Встречу назначили у подъезда дома Весника. Чтобы выглядеть солидно, решили подкатить на машине. За квартал до места встречи поймали министерский «ЗИМ», объяснили шоферу, что к чему, сразу расплатились и, выходя из машины перед артистами, Гусев бросил шоферу через плечо: « Вася пока свободен. Заедешь через час». Когда же их встреча подходила к концу, Вестнику позвонили. Он о чем-то договорился, положил трубку и сразу – к ребятам: « Вы не откажете подбросить нас на концерт?». « Нет проблем!» Выходят. Ждут пять минут, семь... И Гусев, не затягивая паузы, в жанре - «сын министра – министр», рассердился и тихо в никуда, но чтобы все слышали: « Отец, засранец, опять Ваську себе забрал. Извините, мы вас наверное, здорово подвели?» « Нет, нет, что вы! Не волнуйтесь, мы сами доберемся».

Когда они придумали еще одну сценку – «В библиотеке», ее уже повезли на показ к Райкину. Ему очень понравился персонаж с фамилией Архиниволокоточерепапапендриковский. На Райкине, можно считать, заработали. Нет, он не купил миниатюру. Просто встречались не у входа в гостиницу, а непосредственно в номере. Не знаю, что помешало ребятам стать профессионалами. Но что ни есть - все к лучшему. Так мы все встретились в « Телевизоре».

Одновременно с подготовкой к играм в КВНе, было сделано юмористическое обозрение “Смехом по помехам”. В него вошли старые миниатюры и написаны новые. Первоначально хотели обозрение назвать “Серпом по недостаткам”, но Брон запретил: «Народная мудрость - она простая и честная. Все знают - серпом можно только по яйцам!». Сказал, как обрезал.

Летом 64-го, «Телевизор» гастролировал по целинным землям. В обозрение было вставлено выступление певцов и джазового квартета. Получилась хорошая концертная программа, и с ней мы проехали около двух тысяч километров, выступили во многих селах, маленьких городках, даже на рудниках. Везде нас встречали “на ура”, даже в колониях для заключенных. Увиденное на целине для меня было таким откровением. Но это - отдельный рассказ.

III

Осенью 64-го на афишах программы “Смехом по помехам” появилось: « Режиссёр-постановщик Б.М.Сичкин.» Писать об этом человеке и легко и трудно. Легко, потому что одно его имя делает привлекательным любое воспоминание. Трудно, потому что надо стараться сделать это на высоком уровне. Ведь сам Борис Михайлович написал книгу, по сути автобиографическую, “Я из Одессы! Здравсьте!”. Её простой и ясный стиль точно соответствует открытому и доброму характеру автора.

Предисловие у Сичкина начинается так: «Эта книга о юморе... Многие

родители оставляют своим детям в наследство нефтяные фабрики, большие деньги. Это, безусловно, хорошо, но не менее важно оставить детям в наследство чувство юмора. Меня юмор спасал от всех невзгод и дал возможность выжить». А выпало на долю этого чудного человека действительно немало. Полуголодное детство в Одессе 30-х годов. Непростая служба в Ансамбле Киевского военного округа, побег из Ансамбля на фронт и возвращение обратно под надзором. В конце войны, в Берлине он - ведущий в группе солистов, которая обслуживала официальные приемы Георгия Константиновича Жукова. Борис Михайлович присутствовал на встречах Жукова с Эйзенхауэром, Бредли, Монтгомери и другими. Нельзя сказать дружбой, но близостью с Жуковым он очень гордился. В 1973 году – арест Бориса Михайловича по ложному доносу, семь лет под следствием, полтора года в Тамбовской тюрьме, а затем - освобождение за отсутствием состава преступления. Далее - бесконечные издевательства чиновников и, наконец, отъезд из Советского Союза в Америку, доведённого до состояния душевного срыва, популярного и любимого актёра, исполнителя роли незабываемого Бубы Касторского.

В весёлой молодости еще нет привычки - интересоваться чужими судьбами, и мы, конечно, ничего не знали о его личной жизни. Тем более что никто из нас близко с ним не сходил, за исключением, быть может, Хавронского. Он изредка бывал у Бориса Михайловича (Б.М.) дома и тогда становился невольным свидетелем его общения с сыном, няней и другими, и в частности был свидетелем одного разговора с бухгалтером жилищного кооператива. В своей книге Б.М. упоминает этот эпизод. Не было чем платить за квартиру и Б.М. объявил, что в знак протеста против войны во Вьетнаме, платить за неё не будет. Когда же война закончилась, ему позвонила бухгалтер и торжественно сообщила, что американцы ушли из Вьетнама. «Я знаю», - пафосно ответил Б.М. – «Я знаю, что грязная война во Вьетнаме закончилась, а знаете ли вы, что сейчас творится в Лаосе?» В итоге - свет в квартире Б.М. все-таки отключили. Тогда, в 65-м, после его ухода из «Телевизора», мы знали о нём больше по слухам и сплетням. Через что пришлось пройти Б.М. в жизни, теперь мы точно знаем из его книги.

В “Телевизоре”, рядом с ним мы провели незабываемое время. Невозможно было не любить человека невероятной энергии, фантазии и остроумия. Редко кому в Советском Союзе удавалось быть в гармонии с жизнью на одну зарплату. Неудивительно, что, работая с нами, Б.М. одновременно вёл ещё хореографию в танцевальной группе клуба МГУ, и в капустнике “Верстка и правка” в Доме журналистов, которым руководил З. Паперный. И это кроме сольных выступлений на эстраде, съёмок в кино и участия в различных представлениях. Кстати сказать, в фильмах “Женитьба Бальзамина” и “Интервенция” Б.М. принимал участие как балетмейстер. Наши репетиции (одна, редко две в неделю) либо длились очень долго, либо заканчивались очень скоро. Начинались они с просмотра готовых миниатюр, и если Б. М. говорил: «А вы знаете, мне нравится!» - значит, его уже где-то ждали. Б.М. был любимцем в кругу московской богемы, и его буквально рвали на части. Не дай Бог, надо было ещё что-то репетировать. Тогда он наклонялся к Хавронскому, как к старосте, и шёпотом: «Лёня! Только пойми меня правильно. Через 20 минут блевать, а я еще трезвый! Неудобно опаздывать!». Впрочем, если он никуда не спешил, ему тоже всё нравилось.

Честно говоря, Б.М. не очень любил кропотливую работу с актёрами. Это было для него мукой. И можно понять почему. Известно, что бездарей везде полно, а уж в любительском театре тем более. Сделать из нас что-то путное - задача почти невыполнимая. Ведущие наши актёры играли здорово. По большому счёту, им вообще никто не был нужен. Новые вещи ставились весело и быстро. На главные роли назначались «первые скрипки», и успех был обеспечен. Претензии тех, кто делал заявки на их место, Б.М. пресекал легко и быстро. Помнится, только начали репетировать очень смешную миниатюру «Чапаев», и мне так захотелось прислониться к славе, что попросил у Б. М. дать мне сыграть Петьку. Реакция была мгновенная: «Ни в коем случае! Чапаев-еврей. Петька-еврей. Может, всю миниатюру будем играть на еврейском языке?! Меня же исключат из жилищного кооператива. Этого тебе надо?». Я ответил: «Этого мне не надо».

Какое удовольствие было видеть его самого на сцене! Впервые мы увидели его в ЦДРИ, когда Б.М. пригласил нас на юбилей актёра Алексея Полевого.

Договариваясь о встрече, спрашиваю:

- А где мы встречаемся?

- Я же сказал, в ЦДРИ!

- Ну, а там-то где мы Вас найдём?

- Дорогой мой! Когда тыходишь в Мавзолей, ты ведь не спрашиваешь: - А где тут Ленин?!

В фойе ЦДРИ мы встретили много известных людей, и особенно было приятно, когда Б.М. представил нас Леониду Утёсову. «Так это про них ты рассказывал? Симпатичные ребята.» - не глядя на нас, обронил мэтр. Думается, что если уж он рассказывал про нас самому Утёсову то, наверное, гордился нами.

У Б.М. был номер «Пародия на эстрадный концерт». Скорее даже не номер, а целая сатирическая программа. Там были и танцы, и песни, и миниатюры, и пантомима. Программа длилась более часа. И всё время на сцене - он один.

К юбилею А.Полевого, в качестве подарка, Б.М. подготовил две новые сценки из своей программы. Вначале он изобразил акына - халат, чалма, сапоги, в руках домбра. Что тот акын видел и что пел – отдельная песня. А начинал он так: садился на стул, рукой поднимал одну ногу и клал на другую. Только начинал петь - нога соскальзывала. Он снова рукой её поднимал. Нога опять вниз. Снова – то же. И тут невозмутимый акын наклонялся вниз, губами выразительно произносил три волшебных слова и на слове “мать” нога уже сама, медленно поднималась на место. Делал он это так смешно, так мастерски, что обвинить его в пошлости ни у кого язык бы не повернулся.

Затем Б. М. переоделся и в образе бывшей актрисы, а теперь секретарши театрального союза вышел поздравлять Полевого. Начиналось с тайны: «Алексей! Лёшенька! Откровенно говоря, ты был у меня первым... режиссёром!» И далее целый каскад - образы, танцы, песни, финал под марш Дунаевского из «Цирка» - с серпантинном, конфетти, флагами. В зале рыдали от смеха. Плачущий от восторга Утёсов не выдержал и полез через рампу обнимать Б.М.

Замечу сразу, Б.М. очень тонко чувствовал грань, за которой немалопристойные зарисовки становились бы вульгарными. В такие моменты он был предельно точен и невероятно обаятелен. Никто на эстраде не мог себе позволить то, что вытворял Б.М. Всё, что он делал, было для нормальных зрителей, и потому его хулиганство никогда не включалось в торжественные концерты по случаю официальных событий. В этих концертах дежурили другие. Насколько он был честным и глубоким человеком, мы оценили, когда Б.М. объявил нам о своем уходе: «Я, в общем-то, пришел немного подработать, а у вас здесь серьёзно. Я к этому не готов». На такое признание способен только честный человек и большая умница.

Наши авторы и ведущие актеры, действительно, очень серьёзно относились к тому, что делали. С каждой новой написанной строкой они все поднимали и поднимали планку. А воплощение требовало большого труда и времени.

Последний раз после его увольнения случайно столкнулся с Б.М. летом 65-го, около клуба. Все знали, что у него не очень складывались отношения с руководством ДК. Но не нам их судить. На моё: “Здрасьте!”, он с досадой ответил: «Получить деньги у них - всё равно, что выиграть в денежно-вещевой лотерее по трамвайному билету».

Прошло 30 лет. После всего пережитого за эти годы, гражданин США, член Гильдии американских актёров (дикость - в СССР его так и не приняли в Союз кинематографистов) Борис Михайлович приехал в Москву. Приехал по приглашению друзей. Летом 95-го в «Театре Эстрады» на Берсеневской набережной состоялся его бенефис. Журналисты, телевидение. За кулисами и в зале нет случайных людей. Только его друзья и его обожатели.

Задолго до начала пришли и мы с Хавронским. Первое отделение вёл Борис Брунов, и мы попросили у него разрешения приветствовать Бориса Михайловича на сцене. Он ответил: «Только при условии, если он вас узнает, и только во втором отделении». Когда Борис Михайлович широко расставил руки и двинулся к нам: “Боже мой! Телевизор!”, сомнений у Брунова больше не было.

Жизнь не переломила Бориса Михайловича. Перед нами был не обиженный эмигрант, а лёгкий, вальяжный, абсолютно уверенный в себе человек. Никакого злобствования по поводу прошлого. Только ироничный рассказ о себе и радость за сына: «Всё хорошо! Емельян мой - успешный музыкант. Имеет свою студию. Пишет хорошую музыку. В Штатах признан. Но беда – до сих пор холост, а я так мечтаю о внуках. Говорю сыну: «Приведи девушку! Не хочешь - я сам себе сделаю внуков»...

Бенефис прошёл потрясающе. Он длился около четырёх часов. На ТВЦ его часовая версия дважды была в эфире. Счастье и грусть испытали мы, когда видели себя на экране рядом с этим изумительным человеком. Паскаль говорил: “Прошрое и настоящее для нас - средство; только будущее наша цель. Мы вообще не живём, но лишь собираемся жить ...». Борис Михайлович оставил нам в наследство потрясающее чувство юмора и, как образец для подражания, – не своё отношение к

прошлому, настоящему и будущему, а удивительное, волшебное отношение к самой жизни.

IV

При Б.М. окончательно устоялся состав “Телевизора”, а главное – функционально определились авторские и актёрские группы, технический персонал, постановочная часть, то есть при наличии среди нас настоящих интриг мы структурно могли бы походить на самостоятельную театральную единицу.

С марта 65-го, когда авторскую группу возглавили Феликс Камов и Эдуард Успенский, началось рождение одного из шедевров советской сатиры под названием «Снежный ком или Выеденное яйцо». Много лет спустя, как-то спросил у В. Наринского: «Как это им, практически 20 - летним мальчишкам, при отсутствии жизненного опыта и настоящих знаний, удалось проявить такую осведомлённость и написать столь масштабную и пронизательную сатиру? Он ответил: « И Феликс, и Эдик всегда, с листа отвергали даже ничтожные наши поползновения на студенческие темы. К тому времени они, самые известные и самые талантливые писатели-сатирики, и нас нацелили на общественные темы. Ни Феликс, ни Эдик не написали для спектакля ни одного слова. Но они и только они и есть фактические авторы. Иногда мы приносили им полностью написанный текст миниатюры, а уходили с чистыми листами. И хорошо, если ещё сохранялась сюжетная линия, а то и она отлетала. Они просто загоняли нас в такой коридор, в котором мы могли сделать только то, что сделали. Итог обсуждений был так ясен, что оставалось лишь записать наши фантазии на заданную тему. Вот здесь мы были ничем не ограничены».

Мне повезло присутствовать однажды на собрании авторской группы у Ф.Камова дома. Э.Успенского в этот раз не было. Весь вечер говорил один Феликс. Он анализировал и тщательно разбирал, чуть ли не построчно, рассказ К.Чапека “Эксперимент профессора Роусса”. Делал это очень интересно и тактично, без какого-либо намека на невежество присутствующих.

Потом стало ясно: Феликс подводил ребят к психологической основе и методу, которые должны быть использованы при написании сцены “Лозунги”. А реализацию придумали сами ребята. Наши авторы были замечательными учениками.

На смену Б.Сичкину пришёл Александр Матвеевич Макеев. Его приход был одним из условий Успенского и Камова. Они шли в «Телевизор» и знали, что им надо делать, как и с кем. Макеев сделал две важные вещи: подтянул уровень большинства актеров до приличного, а главное не искал того, чем можно испортить спектакль. Режиссура в целом естественно определялась нехитрым сюжетом и исходила из текста.

Пока писали новый спектакль, мы продолжали выступать со «Смехом по

помехам», очень редко вставляя в неё ранее написанную Э.Успенским и теперь полностью переделанную под «Снежный ком» миниатюру «Муха-Цокотуха». В ней три действующих лица – редактор и двое чтецов, предлагающих ему на просмотр свой концертный номер. Последних играли Степанов и Хавронский, редактора – Попов.

Если когда-нибудь будет создан архив или что-то подобное “Музею самодеятельности” в МАИ, то «Муха-Цокотуха» войдёт в её золотой фонд под номером один. В ней что ни слово, то перл:

ЧТЕЦЫ: Муха по пулю пошла,
Муха денежку нашла.

РЕДАКТОР: Вы что считаете, что у нас на поля выброшено
много денег?

ЧТЕЦЫ: Нет.

РЕДАКТОР: А что, мало?

ЧТЕЦЫ: Не-е-ет.

Не иначе как допрос, где любой ваш ответ - признание вины.

Трудно рассказать о том, как ребята играли. Это надо было видеть, причем видеть именно первое исполнение. В разное время «Муху» делали многие, но у них ничего даже “рядом не стояло”. За исключением, пожалуй, одного случая. Как-то осенью 65-го мы с друзьями пошли в клуб МГУ на Герцена на спектакль студенческого театра “Карьера Артура Уи”. Убей меня, не помню, как мы сошлись, может, после обсуждения, а скорее всего нас познакомили, но так получилось, что на улице мы оказались вдвоём с Геной Хазановым и медленно шли мимо «Националя» к метро. За этот отрезок пути он рассказал мне о том, что ушёл из МИСИ, учится в цирковом училище и ещё что-то о себе. Мне же о себе рассказывать было нечего, поэтому в ответ хвастал “Телевизором” и взахлёб пересказывал, что знал о “Снежном коме”. Ведь по мере готовности сцен мы репетировали их сразу. А «Муху» наизусть у нас знал каждый. Вот тогда, от и до, с точным повторением интонации наших актёров, её от меня услышал Гена Хазанов.

Спустя несколько дней Хавронский пришёл на репетицию и сообщил, что позавчера в МИСИ, на студенческом вечере, Хазанов делал нашу «Муху». Сам же Хавронский услышал об этом от своего друга, который учился в МИСИ. Откуда мне было знать, что в тот вечер рядом со мной шел человек с великолепной памятью и отличным образным видением, без которого память в актерском деле - пустое. Пришлось честно рассказать всё как было, и за отсутствием злого умысла меня не обвинили в промышленном шпионаже и не выгнали.

Новый спектакль писали с большим азартом, на одном дыхании. Никто из ребят не уехал на летние каникулы, и к сентябрю все тексты были готовы. А уже в конце октября 65-го в ДК МАИ зрителю впервые была показана “Сатирическая комедия в 11 картинах с прологом, эпилогом и размышлениями «Снежный ком или выеденное яйцо»”. Действующие лица: председательствующий; выступающие: ученые, колхозники, студенты, дети, активисты, скульпторы, китобои, петухи, куры, артисты, участники, соучастники, представители, рабочие, работники,

деятели – всего 20 человек.

В зале, на стенах Дома культуры и на балконе были развешены плакаты: «Иногда сатира должна восстановить то, что уничтожил пафос» (Станислав Е. Лец). «Не надо бороться за чистоту, надо подметать» (И. Ильф, Е. Петров). «Если явление становится смешным, оно перестает быть страшным» (Н. Гоголь). «Иногда от крика рушатся стены. Но одним криком ничего не построишь» (К. Чапек).

Размышления, положительный образ “Председательствующего” плюс эти афоризмы в сумме адресовались не зрителю, а цензорам, а они были всегда и везде. Сумма - как противовес убийственной правде о советской действительности - ничтожная. Да и начальники всего народа и всех искусств не были глупы и наивны, а были умны и подлы. Обыграть их практически невозможно. Цензоры и зал сразу забывали об авторских уловках и брали стойку, как только первый из выступающих в спектакле доходил до слов: «И куда бы я ни приехал – везде одно и то же».

Уверен, если прокомментировать всё сказанное в “Снежном коме”, то можно будет полностью нарисовать социальную картину того времени с её внутренними и внешними атрибутами.

Молодой зритель сегодня уже не увидит за фразой: «Ты же у нас маяком станешь!» - всю страну, втянутую в болтовню о необходимости ударного труда и о передовиках, которых назначали как ориентир для остальных. Вместо того чтобы платить всем, кто хорошо работал, платили только профессиональным бездельникам, а они для поддержки постоянно умирающего энтузиазма творили разные штучки: – «встречный план», «победитель соцсоревнования», «маяки». Но что удивительно - за «спасибо» и «крепкое рукопожатие первого секретаря» горы сворачивали, а за значок «Победитель» готовы были сделать любую гадость.

Вот место в картине №4, когда агитатор уговаривает стариков пойти на выборы:

СТАРИК: Но ведь это же дело добровольное?

АГИТАТОР: Конечно. А разве тебя кто-нибудь заставляет отказываться? Ты ведь сам не хочешь...”

Скажите, может сейчас юноша сходу понять, что неявка на выборы воспринималась тогда, как акция неповиновения и протест против режима? Задачей агитатора было выяснить причину неявки, а уже специальные люди определяли степень опасности неявившихся, а потом могли крепко утрамбовать. «И куда бы я ни приехал – везде одно и то же» - будь это в море у китобоев или в мастерской у скульптора, в детской передаче или на собрании зверей в лесу, в литературе, на эстраде или на митинге: «...везде одно и то же».

Отдельные вещи из спектакля и ныне звучат не слабее, но по-другому, и может показаться, что он для теперешнего зрителя устарел. Это не так! Просто страна развитого социализма немного переусердствовала с вольностями и разрешила называть себя «страной обманутых вкладчиков». А в остальном – та же загадочная душа, та же гнилая водка (только еще больше), и тот же гимн. Что - правда, то

правда, набор слов у нас теперь новый – «вертикаль власти», «здоровая конкуренция в сфере», «инвестиционный климат». Все тужатся их понять, но где там понять, если запомнить-то не могут!

Слух утомлен настолько, что между «не может» и «не хочет» разницы уже нет. Авторы слов даже для себя закон утвердили и теперь, на всю страну, без стыда, поют гимн страны по шпаргалке.

Прислушайтесь к оптимистическим отчетам по поводу провала очередной Госпрограммы. В тот же миг вы обязательно услышите ноты из картины №7 «Закрытие памятника»: - «Сегодня мы круто поворачиваем в другую сторону, продолжая наше движение по заранее намеченному пути. И мы с честью дойдем до следующего поворота, товарищи.»

От заголовка до этих строк - весь мой литературный опыт. С таким пяточком в кармане трудно претендовать на глубокий критический анализ. И все же, возьму на себя смелость заключить, что “Снежный ком” – навсегда. Меняются портреты и костюмы, но не меняется характер смеха. По тону и по художественному достоинству спектакль – “Снежный ком” - высокая сатирическая комедия без всяких оговорок. Она обязательно займет достойное место на книжной полке и еще долго будет цитируема. Не надо считать себя большим пророком, когда предсказываешь невеселое будущее. Но, к сожалению, нет признаков для другого мнения и, на поверхности лежит, что скоро: « Мы с честью дойдем до следующего поворота, товарищи!». Все на круге – сначала припадок партийного гнета, затем “кукурузная оттепель”, потом “Снежный ком” под запретом, «Перестройка» и «Аншлаг»,...

Следом за премьерой мы сыграли ещё несколько спектаклей. После выступлений у нас за кулисами всегда много восторженных зрителей, и все в один голос: «Ну, вы даете!!!» А в это время Центральный Комитет ВЛКСМ объявил о проведении 1-го Всесоюзного фестиваля студенческих эстрадных театров. Первоначально, идея устройства такого фестиваля исходила от журнала «Театр» и Томского молодёжного театра миниатюр и песни.

По всей стране начали работать отборочные комиссии. Была такая и в Москве. Ее возглавлял главный режиссер Московского Театра миниатюр, что в саду «Эрмитаж», Владимир Поляков. О предстоящем фестивале мы ничего не знали и обрадовались, и заволновались, когда Брон сообщил нам, что ближайший спектакль будут смотреть Поляков и члены комиссии - на предмет отбора.

Ближе к фестивалю, в газетах стали появляться статьи о нем и небольшие заметки, из них узнавали подробности. Всего в отборочных смотрах участвовало более семидесяти театров, но в итоге в финал вышли только двенадцать.

Через газеты ЦК ВЛКСМ декларировал, что по итогам будут определены дипломанты, лауреаты и три призера фестиваля.

За первое место, кроме наград, полагались - выступления в театре Эстрады в

Москве, затем гастролы по городам Советского Союза и в заключение - показ на Центральном телевидении.

Высокий статус фестиваля подчеркивался составом жюри. В него входили известные люди – Горин, Костюковский, Мирон, Тутьшкин, Хазин, Цфасман, а также товарищ Юрьев (от ЦК ВЛКСМ). Возможно, кого-то еще не назвал. Председателем жюри был Аркадий Райкин.

После просмотра нашего спектакля члены московской комиссии поднялись в кабинет директора ДК. Вскоре Брон пригласил туда нескольких из нас. Слева от Полякова сидели три женщины. Одна из них была представителем Главного управления культуры исполкома Московского городского совета народных депутатов. Поляков сказал нам, что, хотя и предстоят еще просмотры, но дело почти решенное, и на фестивале представлять Москву будут два коллектива - «Наш дом» МГУ и «Телевизор» МАИ. А затем обратился к представителю, а фактически цензору, и попросил ее не тянуть с визированием. Дело в том, что на всех допущенных к заключительному туру текстах должна была быть виза и, соответственно, печать проверяющего литературу органа – Главлита. В ответ на просьбу Полякова женщина быстро подвинула к себе папку с машинописью спектакля и тут же на последней странице расписалась. Утром следующего дня на ее подпись шлепнули штамп. Эту решительную Жанну Д'Арк потом мы видели часто.

Быстро сказка сказывается... В декабре и январе прошло ещё несколько наших выступлений и теперь, после решения допустить нас к финалу, на каждом из них присутствовал один из членов отборочной комиссии и кто-нибудь из органов ВЛКСМ. Эти опекуны заходили к нам, были вежливы, улыбочивы, но в большие разговоры не втягивались.

Нам объявили, что мы открываем фестиваль. Лучшего места для проведения фестиваля придумать было нельзя, чем Дом культуры гуманитарных факультетов МГУ, располагавшийся в бывшей церкви Святой Татьяны на улице Герцена, и славившийся на весь Союз. Эту славу сделали ему эстрадная студия «Наш Дом» Марка Розовского и студенческий театр, которым руководил вначале Ролан Быков, а затем Марк Захаров.

Наступил день торжественного открытия фестиваля. С раннего утра мы уже в клубе МГУ. Ждем. 12:00. Открытие сдвигается сначала на час. Говорят, Райкин задерживается. Потом еще на час. И вот вдруг наше волнение переходит в тревогу. Кто-то сказал, что выступление «Телевизора» сегодня не будет. Мы все собрались в фойе вокруг Брона. Он подтвердил, что наш выход сегодня действительно отменен. Мало того, вообще под сомнением наше участие в фестивале.

И здесь, вероятно, к месту будет хвала Брону.

По отзывам артистов, в том числе и народных, чьи выступления он организовывал по всей стране, Брон признавался как импрессарио №1 в Союзе. Если он говорил, что в Магадане в 6:00 у поезда вас встретит человек, посадит в

машину, через полчаса вы пересядете в вертолет, потом вас высадят на лесной опушке, после выступления отвезут в гостиницу, а в 9:00 следующего дня уже встретят в Москве, – значит, так и будет.

Много лет позже, Хавронский стал председателем правления маёвского Дома культуры. Должность общественная. Так вот тогда Брон очень хотел, чтобы Хавронский принял от него директорство ДК, и обещал, если он согласится, отдать ему самое дорогое – свою записную книжку с домашними телефонами всех знаменитостей страны.

Меня поражало с какой уверенностью и дипломатичностью он вел переговоры с любым человеком. Однажды при мне он звонил Николаю Озерову и Яну Спарре, просил их выступить на вечере спортсменов, случайно присутствовал при его разговоре с Галиной Брежневой. Присутствовал громко сказано, как только начался их разговор Брон, жестом, попросил меня выйти. В фойе на стенах ДК, висят фотографии тех, кого он в свое время приглашал для встреч со студентами. Сотни фотографий. Через рукопожатие с Броном прошла культурная история института.

Брон никогда не говорил лишних слов, не суетился и не паниковал в трудные минуты. Он всегда думал и действовал. Вот и сейчас он позвонил Полякову, объяснил что происходит, попросил его не приезжать на разбирательство, а написать записку Райкину, выяснить, в чем дело, и узнать, что нужно, чтобы повернуть ситуацию. Как официальное и заинтересованное лицо, сам Брон влезать в события не мог, но влиять на них – это совсем другое дело.

Тут же снарядили курьера – Володю Биятенко. Брон дал ему денег и наставление: «Сейчас Поляков пишет письмо. Пишет он медленно. Потом пока напечатают. Чтобы не стоять у них над душой, туда не спешите. Поезжайте на троллейбусе. А обратно быстро на такси». Началось торжественное открытие. Раз не играли, то было время заранее занять место в зале, и мы все сели в следующем ряду за жюри. Вечером по телевизору показали короткий сюжет открытия фестиваля и наши невеселые лица. Нам представилось, что вся страна переживает за нас.

Торжество закончилось, прошел перерыв и уже начался первый конкурсный показ, когда вернулся наш гонец с конвертом. Отошли в укромный угол в фойе. Брон велел вскрыть конверт, и Володя вслух прочитал не короткую записку. Это было большое письмо, адресованное лично Райкину. До ксероксов тогда ещё оставалось двадцать лет, поэтому в изложении услышанного:

« Уважаемый Аркадий Исаакович!

Очень опечален тем фактом, что отменили решение Московской отборочной комиссии!..

...Нами проделана большая организационная работа и выдвижение «Телевизора» МАИ на фестиваль от имени Москвы – это плод труда не только состава комиссии, но и многих общественных организаций...

...нет гарантии, что те, кто пренебрег нашим мнением и отстранил «Телевизор» от участия в заключительном туре такого серьезного творческого соревнования не поступит так же с решением жюри, которое возглавляете Вы...

... сатира спектакля «Снежный ком» направлена как раз на тех, кто попирает те принципы, которые провозглашены XXII съездом КПСС...

...Прошу ознакомить с этим письмом всех членов жюри Всесоюзного фестиваля.

С уважением и надеждой на торжество справедливости В. Поляков»

Письмо снова запечатали, и после второго конкурсного просмотра, Брон передал его Райкину. Что происходило дальше в этот вечер и на следующий день, точных сведений нет. По слухам до нас дошло, что кто-то из представителей ЦК ВЛКСМ сказал, что коллектив МАИ скорее всего будет допущен к конкурсу, но при этом нужны доработка и уточнения, поскольку есть еще некоторые неопределенности в тексте.

И действительно, буквально через день нас пригласили на встречу с представителем ЦК ВЛКСМ, который должен был сформулировать все претензии. Было это где-то в Сокольниках, в маленькой аудитории общества «Знание». Наш штаб готовился к большому сражению. Стянуты были все силы: актив «Телевизора», авторы, Камов, Успенский, Макеев. В резерве были их крупнокалиберные друзья писатели – Раздольский и Токарев. Молодой человек от ЦК ВЛКСМ – на вид лет двадцать пять, полненький такой, симпатичный, сидел председателем. А взвод интеллектуалов сомкнулся напротив, и вид у них был такой напряженный, как у родителей на школьном собрании.

Рядом со мной вдруг оказалась та самая женщина, цензор из Главлита. На ней лица не было, так она нервничала. Откуда узнала? Кто заставил ее прийти на эту сходку? Значит, уже на начальном этапе стали цеплять тех, кто проморгал «Снежный ком». Ясно, что Жанну Д'Арк уже хорошенько взгрели за пособничество. Ее судьба и судьба спектакля теперь слились в одну, и дальше она - наш «талисман» на всех просмотрах и обсуждениях.

Представитель без предисловий озвучил позицию секретариата ЦК комсомола и ясно сказал: «В спектакле очень много намеков и еще больше подтекста. В таком виде его выпускать нельзя».

Начались прения по докладу. Говорили много и красиво. «Представитель» никак не реагировал, свой номер он уже отработал. Зато моя соседка искрилась бенгальским огнем от каждого выступления и уже факелом горела, когда вышел Токарев: «Знаете ли, милостивый государь, подтекст можно узреть везде. У нас, например, в метро на всех дверях написано «нет выхода, нет выхода». Скажите, пожалуйста, мы что, должны видеть в этом беспомощность нашего руководства в реализации огромных задач, поставленных партией?»

За ним - Раздольский: «... Нельзя закрывать глаза на наши пороки... И глубоко заблуждаются те, кто считает, что сифилис можно вылечить боржомом. Для оздоровления организма нужны горькие лекарства».

Сбоку мне показалось, будто в попку Орлеанской деве воткнули раскаленное шило. Она резко вскочила, тут же резко села, и все причитала: «Боже мой! Боже мой! Ну разве нельзя было назвать какую-нибудь другую болезнь? Боже мой!». Всевышний повидимому был рядом, а не то “кондратий” хватил бы ее на месте.

Мы тоже расстроились. Вся шрапнель в песок. Не с кем разговаривать, перед нами мелкая сошка, а сделать ничего не можем. В итоге все же договорились: если нельзя выпускать в таком виде, надо посмотреть еще раз спектакль и определить, что именно менять. Одно условие – просмотр закрытый. Вопрос – кто будет смотреть? Только из сегодняшнего дня, можно рассуждать, что здесь Центральные ребята ошибались тактически, когда переложили черную работу по затапыванию «Снежного кома» на Московский городской комитет комсомола.

И вот специальный просмотр для горкомовских. Их пришло человек двадцать. Приехала небольшая группа участников фестиваля, которых мы провели как персонал ДК. Было немного своих - от блока коммунистов и беспартийных. Были и приглашенные. В зале на 500 мест человек 50.

По окончании спектакля в конце «Эпилога», Наринский подошел к краю сцены и обратился к зрителям: «Добрый день! Благодарим за то, что пришли. Будем очень признательны, если услышим ваши впечатления, замечания, рекомендации. Нам дорого любое мнение». В ответ гробовая тишина. Сочувствующие нелегалы, это участники фестиваля, не могли высовываться. А молодые начальники из горкома замерли – ведь насчет публичности уговора не было, к тому же они-то научены душить в приватной обстановке, без свидетелей.

И тут на сцену поднялся мужчина (подсадной, из приглашенных) солидного возраста и внешности и представился: « Меня зовут Леонид Лиходеев». Ведущий в Советском Союзе публицист, фельетонист, писатель очень высоко оценил нашу работу и рассматривал ее все время то в свете решений мартовского пленума ЦК КПСС (1965-го), то в свете предстоящего XXIII съезда КПСС. Он понимал? зачем он здесь, на какую публику работает и отливал такие пули: «Снежный ком» – большой вклад в дело строительства крепкого социалистического общества».

В итоге Лиходеев наложил на спектакль свою одобряющую резолюцию. Ему на смену медленно вышел поэт Александр Безыменский и такой панегирик выдал, что нас впору было выдвигать на Госпремию. За ним на сцену взлетел конферансье Эмиль Радов и своей откровенностью свел на нет усилия предыдущих: « От восторга хотелось визжать, но я боялся, мало зрителей. Мне было страшно и за себя, и за ребят. Если бы передо мной не выступил Лиходеев, ни за что не вышел бы сюда...» Он напропалую хвалил нас. Вот только после его искренности не то, что премию, срок надо было давать.

В этот раз и после многие, кто защищал спектакль, часто использовали смешанный язык - в нормальный, простой они вкрапляли птичью речь политпросветителей, к которой сами испытывали отвращение. Они думали, что так легче будет примирить «Снежный ком» с режимом.

Конечно, не было другого пути. Опыт борьбы подсказывал именно такую форму борьбы. Но высмеивать советский образ жизни и тут же говорить об этом смехе призывами к Первомайским праздникам само по себе достойно сатирического пера. Хорошая сатира – всегда логична. Тысячу раз прав А. Зиновьев: «Демагог не понимает другого языка и существует только в своем.. Победить демагога логикой невозможно. А говорить о победе над демагогом в рамках его словаря - глупость». Воистину, язык сатиры для сусловцев был языком врага.

На следующий день мы приехали в Колпачный пер., в МГК ВЛКСМ. Представьте себе длинный стол. Нас семеро. Их человек двенадцать. Все они были вчера на нашем выступлении. Но тот театр, который перед нами разыграли комсомольцы, без натяжек сродни МХАТу. Выступил каждый и каждый говорил вдохновенно, страстно, обязательно дерзко и обязательно не соглашаясь со своими товарищами. Содержание говорильни трудно воспроизвести. Один из них, например, вообще договорился до того, что наш спектакль хорош настолько, что он может стать учебным пособием в их пропагандистской работе. Поэтому, под наблюдением комсомола, надо продолжить практику закрытых просмотров, поскольку рядовой зритель еще не дорос. Себя они, конечно, причисляли к элите. Как говаривал один из героев Власия Дорошевича: «Я сам человек тонкий, но такой тонины не видывал». Вот так, молча, мы просидели часа два. А они продолжали морочить нам голову, но вывод делали один: «Много намеков, подтекста, выпускать спектакль рано, требуются доработки и уточнения»

Ничего нового. Мы все опять в пасмурном настроении. Все, кроме Камова. Он постоянно и во всем им поддакивал. Мало того, в «мокрых» местах, ему иногда удавалось ворваться, развить и даже усилить их мысли. А они смотрели на него как на своего и говорили, говорили...

В том-то и дело, что Феликс - первый и единственный из нас, кто понял, что эти ребята не получили указания нас закрыть, а получили указание дурить всех до тех пор, пока не кончится фестиваль. А там и проблема растает.

И вот, когда они вдоволь наслушались собственной чухни и выдохлись, Камов сказал: «Вы правы, и мы готовы при вашем непосредственном участии все переделать. Мы вместе разгладим морщины в каждой строчке, только укажите в какой».

На следующий день начали делать правки. Вот пример только одной из них. В картине №9 («Китобои»), вся команда корабля вручную буксирует сверхпланового кита. Один из матросов говорит: «У него мяса столько, что им полгода Африку кормить можно». Изменили на «периферию год кормить можно». Действительно, какой ужас должен был охватить нас, когда бы мы представили себе, что могло бы произойти, если бы «Телевизор» выехал на гастроли в Африку с первым вариантом текста. Авторы полностью признали свою ошибку и согласились с позицией

Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Если бы не бдительность ЦК, не миновать нам международного скандала, а может быть, даже и вооруженного конфликта с племенем вутэ. Лучше горькая правда о себе.

Какие же они умельцы и фантазеры! Как они перетолковывали каждое слово в тексте! Общий итог – сделано было сто сорок две правки. И слава ВЛКСМ, Камову и Успенскому! Наши авторы были тоже под стать ребятам, защищавшим от нас советскую власть. Они сделали такую огранку, что в лучах «комсомольского прожектора» бриллиант заиграл еще сильнее. Все замечания исправили за один день и одну ночь.

Тем временем на фестивале - только и разговоров, что о «Снежном коме» - “Пропустят или нет?” Это те, кто видел нас, сделали свое дело - они на каждом углу с восхищением рассказывали про наш спектакль. Тогда-то мы и решили, в обход запрета, дать еще два выступления в своем ДК. В случае чего - «как бы для прогона, как бы с целью оценить качество новой редакции»

Ну что сказать? После первого же выступления всенародная слава лизнула меня и нашу ведущую артистку Лену Вахрушеву. Случайно мы с ней оказались на Маяковке, в толпе желающих попасть в театр «Моссовета» на премьеру спектакля «Цезарь и Клеопатра» с Пляттом в главной роли. Вдруг к нам подошла молодая пара и протянула два билета: «Мы видели вас вчера в «Снежном коме». Это было потрясающе. Возьмите, пожалуйста, - это Вам». Быть популярным оказывается еще и очень выгодно.

На второе выступление “Телевизора” билеты спрашивали от метро «Сокол». После спектаклей зрители никогда сразу не расходились. Наринский легко втягивал их в обсуждение. Многие высказывались, подобно Радову, преодолевая известный страх, а многие, посмотрев спектакль, выходили на сцену уже без страха. Звукорежиссер спектакля Гена Качалов (кстати, нынешний технический директор ВГТРК), никому не говоря, на свой риск записывал выступления на магнитофон. К сожалению, потом все эти записи исчезли. Куда и как - неизвестно.

Часто, случайную встречу знакомого мы сопровождаем расхожим диалогом: «И ты здесь? Как мир тесен...», «Не мир тесен. Слой тонок». Это я к тому, что на наших спектаклях побывало много и известных, и знаменитых людей из среды московских интеллектуалов, которыми Россия начала гордиться гораздо позже. И мы гордимся, что они были и нашим венцом. Когда вышел на экраны фильм Ролана Быкова «Айболит-66», на встрече со зрителями в «Доме кино» его спросили: «Как Вам удалось выйти на экран с такими текстами?». Ответ: «Что я? Вы студентов посмотрите».

Однажды, после спектакля к нам за кулисы зашел Евгений Евтушенко. Каждому пожал руку, сказал спасибо и спросило том, сколько раз мы уже сыграли. Узнав, что 19, пожелал сыграть 30. Услышав в ответ, что мы надеемся сыграть больше, сказал: «Надежда – это соль, выступающая на горбу у идущего по пустыне верблюда...». Оказавшийся рядом Владимир Тендряков не дал развернуться разговору, пресёк его и увел поэта. Сохранился и автограф Александра Галича:

«Молодцы! Как на футболе, все время хотелось кричать – Шайбу! Шайбу!»

Наивные. Мы еще не понимали, что шепот под одеялом, разговоры на кухне и эти обсуждения, безусловно, были частью общественного мнения, но ни на что влиять они не могли. «Оттепель» заканчивалась, и настоящие испытания для каждого были далеко впереди.

Тем временем в клубе МГУ вовсю шли конкурсные показы, а в кулуарах только и разговоров, что о «Снежном коме». На двух дополнительных выступлениях побывало уже больше половины участников фестиваля. Диву даешься, как мы сами успевали повсюду. Учеба (был разгар сессии), репетиции, выступления, и при этом мы не пропустили почти ни одного фестивального спектакля. График программы фестиваля был жесткий – поскольку Райкин сам работал по вечерам, первый просмотр начинался в 11:00, а в 14:00 – другой. Публика ломилась без разбору на любой спектакль. Зал всегда был битком. Были очень интересные выступления вне конкурса – из Ленинграда приехали студенты мастерской Товстоногова с инсценировками песен («Зримая песня») и два потрясающих спектакля показала студия «Наш дом» МГУ: – «Целый вечер как проклятые» и «Вечер русской сатиры». Третий их спектакль – «Наш дом - ваш дом» - был конкурсным.

Ребята из МГУ смотрели на всех выступающих как на первоклашек. Для такой снисходительности у них были все основания. Во-первых, потому, что ни один коллектив не обладал тем изяществом, какое было во всех спектаклях «Нашего дома», а во-вторых, только к ним было применительно понятие стиля и классной режиссуры. Чего стоят «Театральный разезд» и «Сон Попова»? Руководители студии и актеры – Карпов, Кочин, Точилин, Фарада, Филиппенко (пока ещё не профессионалы) и другие - были правы, когда до последнего момента верили, что первое место за ними. До последнего момента, а точнее, до нашего выступления.

Так кто же все-таки допустил нас на фестиваль? Приказа «закрывать» действительно не было, а эта копошня вокруг нас была затеяна хозяевами фестиваля из секретариата ЦК ВЛКСМ на всякий случай. Они чувствовали, что могут получить по шапке, если не сейчас, так потом, когда выпустят «джинна» гулять по стране. Неужели те, кто хотел «отлучить» нас от фестиваля, - они же и «допустили»? Конечно, нет.

Аркадий Райкин! Это он сделал – невозможное возможным, и добился нашего участия в фестивале. Райкин, когда соглашался стать председателем жюри, никак не подозревал, что на ровном месте «вляпается в комсомол», буквально в первый же день.

Страсти вокруг нас заставляли всех, кто имел к этому отношение, решать для себя многое, особенно если решение надо было согласовывать с самим собою, а не в инстанциях. Мне кажется что Райкин - один из немногих, кого не мучила проблема выбора, порядочность входила в состав его крови.

Далее - со слов Бронштейна.

Многие знали, что Райкин был в списке кандидатов на соискание Ленинской премии. В ЦК ВЛКСМ ему недвусмысленно дали понять, что при присуждении премии их поддержка может иметь решающее значение, и однозначно связали такое решение с его поведением относительно спектакля студентов МАИ. Райкин в жизни мог уступать во многом, шел на компромиссы и уступал, но никогда не торговал своей репутацией.

Через несколько дней Райкина принимал в своем кабинете секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, П.Н. Демичев. Нет никаких сомнений, что Петр Нилыч перед встречей с Райкиным справился у комсомольцев, что такое коллектив МАИ. Почему нет сомнений? Когда в беседе они подошли к «Снежному кому», он произнес до боли знакомые слова: «Мне доложили, уж очень много там всяких нехороших намеков и подтекстов». На это Райкин возразил: «Петр Нилыч, если очень хочется, в чем угодно можно услышать то, что ищешь и хочешь услышать». Затем взял со стола лежащую сверху «Правду» и начал читать передовую статью, с каким-то отчетом, выхватив из него абзац о сельском хозяйстве. Можете себе представить, как Райкин читал этот изыск, если министр засмеялся и вскоре его остановил: « Я все понял».

Наше выступление состоялось 6 февраля 1966 года, за два дня до окончания фестиваля.

Умели же на Руси строить, если церковь Святой Великомученицы Татьяны не рухнула после оглушительных оваций “Снежному кому”! Минут двадцать они волнами заливали зал.

Зрители стоя приветствовали спектакль. Такой успех! Когда мы спускались со сцены в костюмерную, мимо нас прошел очень мрачный Марк Розовский, за ним - Саша Филиппенко со словами: « Марк, перестань! Не расстраивайся, не расстраивайся»

Все было ясно – мы первые. Они сами это признали.

Оставались еще один день просмотров и день награждения. Но мы перепутали все карты, и график был нарушен. Следующий после нас день был неожиданно объявлен выходным на фестивале, а торжественное закрытие отнесли еще на два дня. Совещались наверху долго.

Помните, когда советские спортсмены по общему итогу проигрывали американцам Олимпийские игры, в газетах их результаты представляли в форме таблиц только золотых призеров, только серебряных или по видам спорта, но всегда так, что спортсмены из СССР были на первой строчке. У заказчиков фестиваля была обратная задача – придумать так, чтобы “Телевизор” МАИ не стоял на первой ступеньке, т.е. как приравнять нас к американским спортсменам. Таки придумали. Зря, что ли, они свой хлеб ели? Протокол фестиваля, мнение авторитетов, обещания, наконец - решение жюри. Плевать! На мой взгляд, для читателя не будет большого убытка, если здесь дам ещё одно отступление.

Среди всех фотографий нашего спектакля, а их сохранилось очень мало, было несколько с фестивального выступления. Сделал их Лёва Высоцкий-руководитель нашей музыкальной группы. Поскольку спектакль сопровождался фонограммой, Лёва в тот день был в зале и щёлкал в своё удовольствие. Он не сделал ни одного снимка нас на сцене, а снимал исключительно сидящих в зале и жюри. Исторические и очень дорогие нам фотографии. Видеть восторженные, искренне смеющиеся, лица зрителей и лучших юмористов Советского Союза во время нашего выступления; видеть их стоя аплодирующих нам (повторюсь, минут десять оваций) по окончании спектакля – это было высшей наградой для нас тогда, осталось ею и теперь.

Пересматривая эти снимки при подготовке сборника воспоминаний о «Телевизоре», мы поняли, что допустили непростительную ошибку - за сорок лет никто из нас не удосужился встретиться с кем-нибудь из членов жюри, расспросить их – как в действительности проходили обсуждения, как принимались решения. К этому добавлялся ещё упрёк – никто из нас не мог точно назвать полный состав жюри. Хоть немного восполнить эти пробелы мне удалось, когда сборник был уже готов к печати, потому сказанное ниже в него не вошло... Случайно в газете увидел объявление о предстоящей встрече со зрителями писателя Якова Костюковского. Упустить возможность столкнуться с очевидцем и участником тех событий уже никак нельзя было.

Мне часто доводилось быть на различных творческих и авторских встречах и заметил такую вещь - выступление по-настоящему выдающихся людей никогда не зависело от числа присутствующих в зале. Вечер Якова Ароновича (Я.А.) не стал исключением. Даже для небольшого зала Московского Еврейского общинного центра(МЕОЦ), в котором проходил вечер, было мало зрителей. Но от этого уважительное отношение к пришедшим и азарт рассказчика не только не стали меньше, а, наоборот, он сумел этот крохотный объём ещё уменьшить и с первых слов создать доверительную и очень интимную атмосферу: «Поскольку нас мало, можно поведать чуть больше, чем планировал.»

Начал Я.А. свой рассказ с одного эпизода, который произошёл с ним незадолго до этого вечера:

- Холуйство - такое качество людей, к которому все, а не только я, относятся однозначно. Кроме отвращения, оно не может вызвать ничего. Особенно когда оно ничем не прикрыто и даже наоборот выставлено напоказ. Б.Н. Ельцин - профессионально играл в волейбол, очень любил играть в большой теннис. Вся чиновничья братия высшего ранга стала играть в волейбол и теннис. В.В. Путин - носит часы на правой руке, мастер по дзюдо, хорошо катается на горных лыжах. Вот тут заминка. Оказалось, что жизнь многих чиновников до этого момента была прожита зря, почти никто из них никогда не занимался борьбой. Многие стали «правильно» носить часы, но когда это заметят? И вот чтобы соответствовать и быть ближе к телу, многие пузаны бросились на склон. А куда денешься. Скажите, можно в 70 лет научиться горным лыжам? Нельзя. Некоторые мэры этого не поняли, пока ни расшибли себе лоб. А что станет с

ними, если следующий президент будет фигурист или гимнаст. Кто-то мне позвонил. Приятный голос. Девушка представилась от имени какого-то издательства. Сказала, что сейчас они готовят книгу «Сто самых знаменитых людей России – 2007 года» и спросила:

- Вы не будете возражать, если мы включим Вас в этот сборник?

- Так и быть, не возражаю.

- Замечательно. Тогда буду очень признательна, если Вы пришлёте нам соответствующие документы и необходимые материалы. (Далее перечисляет их.) Но сделать это надо быстро. Потому как книга практически готова, и нам надо будет успеть откорректировать издание.

- То есть вставить меня вместо кого-то?

- ...ну да. Значит жду.

И тут я поинтересовался, чем собственно вызвана такая спешка и такой неожиданный интерес к моей скромной персоне. Оказалось, что наш президент В.В.Путин, во время своего выступления перед студентами, процитировал пару фраз из фильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Помните сценку сдачи экзамена. Процитировал не совсем точно, да это и не важно. Главное здесь другое. Мгновенная реакция внимательно смотрящих ему в рот. Ведь первый экземпляр планируемой книги должен лечь на стол президента, и все лица в ней должны быть узнаваемы и приятны «шефу». Тогда оправданы - название, затраты на озвучивание известных президенту знаменитостей, и смету никто проверять не станет.

Через два дня второй звонок:

- Готовы ли документы ?

- Мне очень не ловко, но подумалось, что не хорошо когда из-за меня надо что-то переделывать и задерживать такое важное издание. К тому же уверен, что тем, кто его готовит, никакие документы от меня не нужны. Они знают обо мне даже много больше, чем я сам знаю о себе. После этого никаких звонков».

Выступление Я.А. в МЕОЦе было подано организаторами вечера, как весёлое предисловие к показу фильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», сделанного по его сценарию в соавторстве с М. Слободским.

Действительно, разговор вышел не грустный, но он не скатился к пересказу много раз слышанных и набивших оскомину, смешных случаев во время съёмок фильма. Не было и намека угодить слушателю, никакого с ним заискивания. Писатель взял всех в плен умным взглядом на теперешние события, простой, ясной и остроумной их оценкой. О самом фильме говорил немного, и не как о комедии, а как о трагедии общества, над которым властвовала не тупая, а тихая и расчетливая армия чинуш. Без насмешек, все крупно, с

достоинством. Спокойная, размеренная речь, при том каждое слово бралось не с полки, а шло изнутри, и никакой раздражительности. Все выглядело так, словно гость следовал рекомендациям Гоголя: «Дух чистейшего незлобия и кротости должен проникать величавые речи старца, так что бы молодёжь ничего не нашлась сказать ему в возраженье, почувствовав, что неприличны будут её речи, и что седина уже святыня.»

Другое не скажешь. Для меня на сцене был такой старец - сочетание покоя и мудрости.

После выступления узнав, кто перед ним и зачем мне нужна встреча, Я.А. тут же вспомнил о фестивале, о нашем спектакле и, без всяких, дал мне свой домашний телефон. Признаюсь, перед свиданием, немного волновался. Когда созванивался и уточнял время, из-за боязни отказа, сразу упредил Я.А. , что не займу более семи минут. Забегу в конец, беседа раздвинулась почти на два часа.

Переступив порог квартиры, сразу обратил внимание на идеальную аккуратность в более чем скромной обстановке, ничего лишнего. Хозяин провел меня в свой кабинет и определил мне место в углу старенького дивана. Напротив, до потолка, полки с книгами, справа, вдоль окна, письменный стол.

Начали мы без долгих пасов. Не скажу, что мой первый его вопрос обескуражил :

- Прежде, чем начать о «Телевизоре», позвольте вернуть Вас к тому вечеру в МЕОЦе, и спросить вот о чем. Вы говорили много хорошего о людях встреченных Вами в жизни, о их мужестве, порядочности. Но было много людей, сделанных и на другой лад. Вы, например, обронули, каким откровением стала для Вас правда, что такой талантливый человек как Никита Богословский был стукачем. Вы же понимаете, что для такого сильного обвинения нужны основания.

- Понимаю. Тут нет никакой клеветы. Во-первых, об этом открыто, ещё при жизни Никиты, написал композитор Александр Зацепин в своей книге « Есть только миг ...». Богословский сообщил куда надо, что Зацепин позорит советских композиторов, играя в парижских барах, после чего Сашу исключили из Московского союза композиторов. Но Никита был не только талантливый человек, но был и большая умница, и сохранил трезвую и ясную голову до глубокой старости. Если вообще можно приложить эти лестные характеристики к столь сомнительной личности. Богословский рассудил верно: у книги тираж небольшой, прочтут её, дай бог, несколько сот человек, а подыми он шум или начни тяжбу, начнется такое, вся страна втянется в эту историю, и потому промолчал. Во-вторых, много раньше, чем Зацепин, в этой комнате, сидя на вашем месте, Марк Бернес предупреждал меня и просил порвать с Никитой по той же причине. На моё: « А что же ты сам не порвёшь с ним? – отвечал: - Не могу. Связан по рукам и ногам». Так что нет тут клеветы на Богословского.

- Теперь к фестивалю студенческих театров. Скажите, пожалуйста, как формировался состав жюри?

- Организаторы фестиваля поручили Александру Хазину пригласить в жюри людей на его усмотрение. Саша- хороший писатель, кристальной честности человек, фронтовик. Его очень уважали и ему безоговорочно доверяли все литераторы. И чиновники тоже, несмотря на то, что в своё время он был в опале, попав в 1946 году под критику ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград». Да, именно Саша нас всех пригласил. И Райкина он позвал.

Аркадий Исаакович никак не хотел идти в жюри, тем более председателем. Но Хазин его уговорил, обещая, что все организационные сложности и трения с начальниками он берет на себя.

- Скажите, а Аркадий Арканов был членом жюри?

- Нет. Хотя он был почти на всех спектаклях.

- Хазина не упрекали за такое обилие евреев в жюри?

- Конечно, были намёки. Но Саша набирал прежде всего профессионалов и легко гасил такие выпады.

- Мы должны были выступать в первый день фестиваля, открывать его. Но в самый последний момент наше выступление отменили и руководитель делегации МАИ на фестивале, директор нашего клуба А.Э.Бронштейн, объявил, что вообще под большим сомнением наше участие в конкурсе. Он же потом рассказывал нам о том, как Райкин боролся за нас, был даже на приёме у секретаря ЦК П.Н. Демичева. Сам Райкин на встрече с нами говорил, что во время фестиваля разговаривал с Демичевым, правда, содержание беседы не озвучил. Как рьяно защищал нас Райкин? Как проходили обсуждения? Сколько было заседаний жюри? Как вели себя остальные?

- Слухи о том, что Райкин встречался с Демичевым действительно тогда ходили, но подтвердить точно, что она была, не могу, а тем более говорить о её содержании. Но и отрицать тоже не буду. Какие силы повлияли на то, что ваш театр допустили, не знаю. Тут отмечу, что Аркадий Исакович был не только великим актером, он был гениальным зрителем. Никто так непосредственно не реагировал и не восхищался виденным на сцене, как он, и уже потом никогда не отрекался от своих эмоций. Не скажу что Райкин, на наших обсуждениях, как говорится, «рвал за вас рубашку». Нет, он не выглядел таким бойцом какими, например, были Хазин, Мирон, Горин. Они в основном и отвечали Юрьеву - вашему единственному в жюри противнику, представителю ЦК ВЛКСМ. При окончательном голосовании все, кроме него, отдали «Телевизору» МАИ первое место.

- А кому дали второе?

- Честно говоря, не помню. Главные споры шли вокруг «Снежного кома»,

потому сейчас и не скажу даже, кому дали второе место.

- А как часто вы собирались?

- Сразу же после конкурсных показов. Обсуждали то, что видели, вели беседы на общие темы. Два спектакля в день. Двенадцать команд. Стало быть, шесть раз мы и собирались.

- Вы упомянули Мирова, как нашего защитника, а я со слов одного из зрителей не лестно о нем отозвался.

- Зритель что-то перепутал. Миров безоговорочно стоял за вас. Хотя по характеру своему, в своём творчестве был очень осторожным. Вы, наверное, знаете, что до 1949 года был очень популярен «парный конференс» - Лев Миров и Евсей Дарский. В подготовке своих номеров Миров часто брал на себя роль цензора. Дарский очень раздражался и требовал от Мирова следовать двум принципам: первый – ни в коем случае самим себя не запрещать, тем более что нельзя угадать, что этим идиотам придет в голову, и второй, главный, - всё надо делать по-максимуму. После смерти Дарского Миров работал уже в паре с Новицким, который, к сожалению, не мог так сдерживать Мирова, как делал это Евсей. Но «Телевизор» Миров защищал до конца. Лев Борисович был талантливый актер. Его несколько раз приглашали в Малый театр. Раневская считала, что на эстраде есть только два актёра - Миров и Утёсов.

- Как принималось окончательное решение, и как Вы о нем узнали?

- Примечательный момент. Уже упомянутый член жюри от ЦК ВЛКСМ – Юрьев очень часто приходил на просмотры спектаклей, но затем на заседания жюри всегда являлся с опозданием. Не трудно было догадаться, что своё мнение Юрьев сначала согласовывал с начальством. Конечно, всё решалось в кабинетах на высоком уровне. Мне позвонил Хазин и сказал о результатах фестиваля:

- Пять лауреатов и всё.

- Как же так?

- Всё решили без нас.

- А что же Райкин?

- Решение принято с его ведома, но без его согласия.

Всех нас просто оповестили, а как там было в лицах и, точные слова, которые кто кому говорил, уже не имели значения.»

По ходу беседы Я.А. не просто отвечал на вопросы. Он делал значительные вставки и этим расширял тему. Честно и доступно, никакой зауми, никаких головоломок и хитростей. Любой на моем месте без труда заметил бы ещё и доброе отношение ко всем событиям и людям, о которых упоминал. В критических замечаниях больше журил, чем ругал. Как настоящий отец, он легко отшлёпал М.Розовского за его книгу «История лошади и конокрадства»: «

Непонятно, что двигало Марком. Товстоногова давно нет. Ответить некому».

Очень интересно Я.А. отзывался о творчестве многих коллег. При том всегда очень складно вязал этот отзыв с личностью. Мне показалось, что человеческое начало для него важнее творческих успехов или провалов. Он, например, не всё принимал в искусстве Г.Хазанова, но тут же добавил: «Зато этот талантливый человек за всю жизнь не сделал ни одной подлости».

Осмелев, захотелось и мне своё лыко в строку вставить. Приятно было услышать его согласие с тем, как сильно истощилась сатирическая литература, как убого мастерство тех, кого объявляют писателями-сатириками. Некоторые имена «легендарных» Я.А. не хотел даже повторять вслух. Махнув рукой, сразу их вычеркивал: «Пустое и нечего на них время тратить». Тонкий знаток своего ремесла, носитель больших знаний - просто так он похвалы не одалживал. Был момент когда, увлекшись, с грустью заметил между словом: «Знали бы Вы, сколько и каких людей помнит этот диванчик, на котором сидите ...» Это была грусть человека, стоящего на вершине, с которой он ясно видел оба склона. Великая страна. Если бы и она еще помнила, какой слой её культурной пыли унесло из этой квартиры время. «Глубокоуважаемый шкаф» позавидывал бы «Старенькому дивану».

Пришла пора уходить.

В коридоре Яков Аронович стал прощаться: «Мой папа дружил с одним раввином. Когда они поднимали рюмку, и о чем бы ни был тост, ребе всегда заканчивал его словами: «Арончик, будь здоров. Очень надо». И Вы будьте здоровы. Очень надо.»

Уже совсем на пороге, Яков - сын Арона, сказал мне самое главное: «У нас в доме жил Виктор Шкловский. Иногда я просил его посмотреть мои записи. На что тот соглашался при условии, если я принесу только первую, неотредактированную рукопись. Она, как правило, и есть лицо. Так вот и я Вас прошу, если надумаете показать мне плод нашей встречи, несите свой первый выдох. И делайте его, да и всё что будете делать потом, по – максимуму».

Перечитал «свой выдох», он же «максимум». Прослезился. Но завет мастера выполнил - смывать и перекраивать ничего не стал.

На торжественном закрытии фестиваля, вместо победителя и призеров, объявили о присуждении звания лауреатов сразу пяти коллективам: «Телевизор» МАИ, «Наш дом» МГУ, Харьковский городской студенческий театр, Челябинский политехнический и Казанский авиационный институты. Какое эластичное решение! Закатать в асфальт не получилось, но и высунуться не дали. Маленькие листочки-дипломы ЦК ВЛКСМ уравнивали всех. Скажи теперь, что ты лучший. Разве что по Гамбургскому счету, но это неведомая нам, чуждая традиция. Такими же листочками отметили и лучших актеров, художников, музыкантов. Даже Союз советских писателей вручил приз лучшему автору. Но среди награжденных не было никого из

МГУ и МАИ.

Самое смешное, что “Телевизор” со спектаклем “Снежный ком” формально не является лауреатом. Это на словах мы в числе пяти. Да, это мы участвовали, выступали. Да, это мы получили диплом ЦК ВЛКСМ. Но получили для того, чтобы передать в профком института бумажку, в которой было написано: «Награждается Московский авиационный институт за многолетнюю творческую работу в деле развития самодеятельного искусства».

Это не мелкая пакость. Чувствуя себя замазанными, они отряхивались от “Телевизора” как могли. Они понимали, что “Снежный ком” – мина замедленного действия и если рванет, от них мокрого места не останется. И ведь правильно понимали. Рвануло же. И не где-нибудь, а самом логове врага – в Вашингтоне, и не как-нибудь, а на весь коммунистический мир.

После официальной части награждения участников планировался сводный концерт из лучших номеров и миниатюр, сыгранных на фестивале. Как продолжение темы - вычеркивание « Снежного кома « из памяти народной – задолго до начала концерта нас строго предупредили: «Никаких сцен из спектакля показывать категорически нельзя». И мы, на голубом глазу, сыграли хорошую студенческую миниатюру. Но как только мы ушли со сцены, аплодисменты зала тут же переросли в демонстрацию протеста. Зрители не поняли, при чем здесь эта миниатюра. Такое неуважение к себе они стерпеть не могли и начали неистово скандировать: « Муху ! - Муху ! ...»

За кулисами концертом руководил всё тот же Юрьев из ЦК ВЛКСМ. Как только услышал бунт зала, из крутого администратора он мгновенно превратился в мышь. Начал метаться от одного к другому: « Сделайте что-нибудь! Я вас умоляю! Сделайте что-нибудь!» Мы и сами в замешательстве. Готовы выйти и сыграть, а выйти он не разрешает. А зал, твердо и, ритмично притопывая требует свое: « Муху ! Муху !..». Начали совещаться. Пока решали, что делать, прошло шесть минут: Виталий Орлов сидел в зале и засек по часам. Юрьеву, да и нам эти минуты показались вечностью. В конце концов мы объявили: «В связи с отсутствием одного из исполнителей». Зал неодобрительно прогудел и концерт продолжили. Наверняка мы помогли Юрьеву на какое-то время удержаться в должности.

В этот вечер, в перерыве, к нам подошел молодой человек и представился: « Я Александр Асаркан из журнала “Театр”. Я написал о фестивале большую статью. Про вас там было очень много. Но велели все выбросить. Извините меня». Кто он нам и кто мы ему, а он подошел и извинился. Честный и искренний человек, он извинялся за то, что не смог отстоять нас, извинялся за свое бессилие перед начальниками, которых давно скрутили в рог их начальники, а тех тоже скрутил. И не было этому конца. Тысячи и тысячи честных и искренних не выдерживали тупости и безысходности и уезжали из страны. В конце восьмидесятых уехал и Асаркан. Его статью о фестивале все-таки напечатали в “Театре”, что называется по горячим следам, т.е. где-то через полгода после окончания фестиваля. Полностью она занимала три страницы. О нас шесть строк, про студию МГУ – шесть с половиной. Сама статья – точная и взыскательная рецензия на фестиваль и общий взгляд на проблемы студенческого театра.

Зато сразу, на следующий день после закрытия Первого Всесоюзного фестиваля студенческих эстрадных театров, в газете «Вечерняя Москва» было опубликовано интервью с председателем жюри А.Райкиным.

Вот несколько выдержек:

«...Первое, что отличает студии МАИ и МГУ, – мастерство режиссерской работы и актерского исполнения...

...О руководителях студии «Наш дом» Аксельроде, Розовском и Рутберге можно смело сказать: эти молодые люди выросли в профессиональных режиссеров...

...Интересен коллектив Авиационного института “Телевизор”.

Выступление “Телевизора” - одно из самых гражданственных...

...Подобные фестивали будут проводиться в дальнейшем...

...Лауреатам фестиваля будет предоставлена возможность выступить на сцене Московского театра эстрады. Думаю, что и я приму участие в этих концертах...»

Наверняка в ЦК ВЛКСМ Райкину пообещали с три короба, только бы он без лишнего шума согласился не давать первое место “Снежному кому”. Он же эти обещания обнародовал в газете. Ведь при случае можно будет предъявить их: «Как же так? Вы слово дали. Как вам не стыдно?»

Сам же Аркадий Исакович не был так наивен и понимал, что никаких фестивалей, никаких театров эстрады и тем более совместных выступлений конечно не будет. И как подтверждение сказанному, через две недели после интервью “Вечерней Москве” в другой столичной газете “Московская правда” появилась статья Райкина о современном эстрадном искусстве и все встает на свои места. Тогда же Брон предлагает организовать нашу встречу с Райкиным. Она состоялась в гостинице «Москва», где он обычно останавливался во время своих гастролей.

В кафе «Огни Москвы» собрались мэтр и весь состав “Телевизора”. В неспешной манере он сделал незначительные замечания в адрес «Снежного кома», сослался на свою статью, не забыв намекнуть на наше умение за сказанным видеть много больше. Никаких деталей, только в общих чертах о своей встрече с П.Н.Дёмичевым (подчеркнуто - через «ё»).

Мы смотрели на Райкина, как на живой памятник. Сидели замороженные, боялись рот открыть и не задали ни одного вопроса. Ожили, когда он ушел, стали быстро переводить на русский язык, что он имел в виду, сказав то-то и то-то. Веселое и проклятое время соцреализма – нормальные мысли всегда надо было кодировать. Райкин конечно знал, что в кафе, кроме нас, были и настоящие переводчики.

Из числа тех спектаклей, что мы сыграли после фестиваля, примечательными были - выступление перед делегатами XXIII Съезда КПСС и еще одно в Доме журналистов.

Когда мы сыграли спектакль перед участниками предстоящего съезда партии, ни особого восторга зрителей ни, тем более, публичного обсуждения не было. Но какое счастье мы испытали, когда много лет спустя, в Иркутске, случайно встретились с академиком, директором Лимнологического института. Он был делегатом съезда и видел наш предпоследний (апрельский) спектакль. Поразительно, он сразу узнал нас.

Но еще удивительнее было услышать его рассказ: «...Мы после вашего спектакля будто глотнули свежего воздуха. Между собой долго всё обсуждали... Из-за вас поверили всему, что нам потом натрещали на съезде. Если теперь студентам такое позволено, значит, все изменилось и вот-вот все повернется, и можно будет не только обо всем говорить, но и дела к лучшему пойдут... Но где там...»

Вне родного ДК “Снежный ком” мы играли на фестивале и еще - в Доме журналистов. Пишущая братия оказалась жесткой. Хотя обычно по вечерам в Доме журналистов собиралась довольно пёстрая публика, но ее реакция тоже оказалась для нас неожиданной. Зал довольно спокойно воспринимал все сцены, и даже те места, в которых мы привыкли к рёву зрителей. И наоборот, аплодировал там, где мы этого не ожидали. Оваций в конце не было. Но что удивительно, зажгли свет, а из зала никто не уходит. Хотя обсуждение не планировали, но именно здесь оно стало естественным продолжением спектакля.

Зал битком. Протиснуться на сцену могут не все. Зрители стали подниматься и выступать с места. Среди первых, очень эмоционально, с веселыми глазами, добротой и восторгом говорила Кира Смирнова. Хвалила и ругала одновременно. И все - по делу. Умница, она многое понимала.

Далее на сцену пробился молодой человек и представился первым секретарем комсомольской организации какого-то предприятия в Клину. Ругал нас почему зря. Говорил минут пять. Когда надоел, из зала его стали прерывать выкриками. Потом начали глушить аплодисментами. Не обращая внимания, он продолжал громить нас. Досталось и зрителям. Среди прочего он сказал: «Вы невежественные люди. Не заметили самого главного. Здесь, в спектакле каждый комсомольский работник показан если не полным идиотом, то хотя бы наполовину. А мы, между прочим, делаем...». Комсорг, вдруг, умолк и почему-то медленно пошёл за кулисы. Мы не заметили, а он заметил.

Сбоку, выдавливая его со сцены, на секретаря надвигался Владимир Солоухин. Когда писатель поравнялся с микрофоном, в зале воцарилась тишина. Солоухин своим окающим говором всегда очаровывал слушателей: «Передо мной тут выступал один товарищ комсомольского возраста. Ну что сказать можно? Как говорится, на воре шапка горит». Зал взорвался. Он продолжил: «А спектакль-то хорош. Все, о чем я со своей женой на кухне говорю, про то и здесь. Смешно и грустно. Но говорить надо, иначе от шелухи этой не избавимся. А то ведь как? Видим, что горит, а кругом – по всей стране, от края и до края, нигде не горит».

После Солоухина обсуждение закончилось, а началось нечто среднее между дискуссией и митингом. Кто с места, кто со сцены - спорили в крик. В самый разгар, к нам подбежала администраторша. Красная от злости, она процедила сквозь зубы: «Кто вам разрешил это балаган? Прекратите все немедленно! Если не прекратите, я сейчас же вызову милицию и сообщу, куда надо». Она была не права. Страсти по “Снежному кому” в этот вечер накалились настолько, что вызывать надо было неотложку и пожарных.

«Кто именинник, тому и пирога нет».

6 мая 1966 со сцены старого ДК в последний раз прозвучала очень симпатичная музыка к спектаклю, которую специально для “Снежного кома” написали актеры “Театра на Таганке” - Анатолий Васильев и Борис Хмельницкий. Это был двадцать восьмой спектакль. Евтушенко почти не ошибся. А говорят, - нет пророка в своем отечестве. Но мы не чувствовали себя погорельцами. “Снежный ком” достался нам легко. Ставили и играли его тоже легко и весело. И мы легко с ним расстались. Молодость. Впереди вся жизнь. Только когда она позади понимаешь, как мало было в ней, по-настоящему, значимого.

V

В 2006 году исполнилось 250 лет любительскому самодеятельному театру МГУ. К юбилею театра была учреждена «Звезда пленительного счастья» - премия имени Ролана Быкова. В МАИ театральные традиции, конечно, слабее. Лучше сказать, их вообще нет. Но институт никогда не был обделен талантами.

Вполне можно было бы заимствовать идею и сделать традиционным вручение премии «Снежный ком» допустим, на съезде маёвцев – любителей сатиры. Разработать устав. Привлечь руководящие органы к организации съезда. Подтянуть соответствующие фонды. Раскрутить по номинациям. А что? Надо подумать. Другой вопрос: кому вручать?

Сатиры, почитай, лет двадцать как уж нет.

Зато сейчас есть огромная куча юмора и несчетное множество унифицированных юмористов. Щекочут народ на воровском аргю. Народу приятно, и язык понятный. А откуда другому взяться? - 365 дней, круглосуточно, - «Дети ментов», «Просто менты», «Менты в зоне», «Ментовские войны – I, II, » , три, четыре, пять – вышел зайчик погулять. Конечно, умом тронешься.

Ущербность современного юмористического цеха и в том, над чем он смеется, и в том, как он это делает. «Над чем» и «как» сливаются в одну линию и на один уровень. Размышлять по отдельности над содержанием и способом его выражения - это значит оправдывать одно за счет другого, а точнее, и то и другое.

Наблюдая с какой скоростью скудеют нравы, никто из них даже не пытается перейти на другую чашу весов,- как-то просвещать, выглядеть достойно, формировать вкус и тянуть за собой, а не наоборот. В 1876 году, по дороге на лечение в Германию, Ф.М. Достоевский стал свидетелем одной картинке и так описал ее в письме к своей жене Анне Григорьевне: «...Остановились на десять минут, перед тем долго не останавливались, и все естественно побежали в местечко pour Hommes, и вот, в самый разгар, в местечко pour Hommes, наполненное десятками двумя посетителями, в б е г а е т - одна прекрасно одетая дама, по всем признакам англичанка. Вероятно ей было очень нужно, потому что она добежала почти до половины помещения, прежде чем заметила свою ошибку, то есть что вошла к Manner, вместо того чтоб войти рядом в отделение fur die Frauen. Она вдруг

остановилась, как пораженная громом, с видом глубочайшего и испуганного изумления, продолжавшегося не более секунды ... Надобно заметить, что она увидела все, то есть буквально все и во всей откровенности, потому что никто ничего не успел припрятать, и напротив, все смотрели на нее в таком же остоленении. Затем после всплеска она вдруг закрыла обеими ладонями свое лицо и довольно медленно повернулась (все пропало, все кончено, спешить уже нечего!) и, наклонясь всем станом вперед, неторопливо и не без величия вышла из помещения. Не знаю, пошла ли она *fur die Frauen*, если англичанка, то, я думаю, тут же и умерла от целомудрия. Но замечательно, что хохоту не было, немцы все мрачно промолчали, тогда как у нас наверно захохотали и зоготали от восторга». Практически все наши юмористы видятся сейчас такими стоящими по периметру туалета в соревновательном ожидании какой-нибудь непристойности, чтобы первым ухватить ее и поскорее отнести зрителю и вместе с ним "...загогогать от восторга".

Спортсмен одним неверным движением сводит на нет годы титанического труда. Музыкант одной фальшивой нотой проваливает свое выступление. А "писатель-сатирик" может позволить себе сначала прочесть лекцию, как правильно говорить на русском языке, а затем правильно, весь вечер шутить по поводу запаха от потных ног. Причем делать это грубо и оскорбительно для слушателей. У авторов уже нет литературного слуха, а внутренняя цензура давно продана. И ничего – успех. Они так считают, раз зал хохочет - значит, успех.

При этом, как правило, используется самый распространенный комический прием - намек. Однажды мне встретилась классификация стилистических средств юмора и сатиры. Всего их у этого автора было двенадцать. И «намек» в этой классификации стоял на последнем месте за такими как - «доведение до абсурда», «ирония», «парадокс», «сарказм», «гротеск», и др. Почему в конце? Потому что он попроще в сочинительстве и, изначально имеет смещенную природу комического по сравнению с остальными средствами - намек всегда смешней, если он намекает на непристойность. Большой фонтазии от зрителя не требуется, а эффект и эмоциональная реакция - хохот, достигаются буквально за несколько строк.

Но великие мастера, пользуясь этим, казалось бы, легким средством, могут делать то, что потом становится литературой, например: «Он лежал на плюшевом одеяле, одетый, прижимая к груди чемодан с миллионом. За ночь великий комбинатор вдохнул в себя весь кислород, содержащийся в комнате, и оставшиеся в ней химические элементы можно было назвать азотом только из вежливости».

Беда еще в том, что все называющие сами себя писателями-сатириками таковыми не являются. У сатириков смех другой, нежели у юмористов. У сатиры другая начальная природа – это общественное неустройство и нравственные пороки. В смехе сатирика правда образа и время так переплетены, что этот смех всегда во вражде с тем в чей адрес направлен. Юмористическое же начало, в отличие от сатирического, идет от слабостей человека и всегда в дружбе с человеком и очень редко в конфликте.

Две иллюстрации сказанному:

1. Пациент после приема обращается к врачу:

- Вы мне так помогли доктор. Большое Вам спасибо.

Врач:

- А спасибо положите, пожалуйста, вон на тот столик.

Смешно.

2. А теперь вспомните, как перед Хлестаковым отчитывались все чиновники и среди них Артемий Филиппович Земляника – тамошний министр здравоохранения. В своем докладе по поводу успеха, разработанной им программы монетизации льгот он так говорил:

- ... С тех пор как я принял начальство, - может быть, вам покажется даже невероятным, - все как мухи... выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Страшно.

Страшно даже не потому, что написанное сто семьдесят лет тому назад - страшно и сегодня, а потому что не видно признаков, что написанное и через двести лет не будет таким же страшным. Здесь не просто мое впечатление. В основе такого ощущения будущего и наше настоящее, и наше прошлое.

Передо мной книга – «Российские хозяйственные реформы. История и уроки.» Ее автор – ученый - экономист А.В. Летенко (в прошлом, кстати сказать, Саша был участником “Телевизора“ и одним из любимчиков Б.М.Сичкина). С пафосом памфлетиста он пишет: «Обращает на себя внимание и то, что крайне редко реформы предпринимались из альтруистических соображений, были вызваны заботой о благе народа... Характерный момент любых экономических перемен в России, имеющий все признаки закономерности, заключается в том, что в конечном итоге за неудачные реформы всегда расплачивался и расплачивается народ. А правящая элита всегда “жиреет”. Рубль растет - российская элита жиреет, рубль падает российская элита жиреет, рубль лопаются - российская элита тоже лопаются... от жира».

Проходят столетия, и ничего не меняется...

В сатире есть один лукавый момент. В ней очень легко имитировать вражду и борьбу с предметом. Отсюда миллионы фельетонистов, как бы борющиеся с социальным злом, а в действительности стоящие у него на службе.

У юмористов такой возможности нет. Им гораздо сложнее, потому что спрятать свое неумение и отсутствие таланта некуда. Юмор он не то чтобы проще, но он всегда требует большей яркости. “ Смешное так строптиво, что оно сопротивляется любому определению” – так говорил немецкий писатель Жан-Поль.

Будет очень нескромно и даже заносчиво с моей стороны углубляться в природу смешного, но одно ясно: ничем не может быть оправдан писатель, вызывающий хохот в зале, пользуясь невежеством большинства в этом зале. Знать принципиальную разницу между «смешить» и «осмеивать» и, в угоду сиюминутной наживе, веселить, показывая голый зад, как минимум не честно по отношению к залу.

Герман Гессе называл 20-ый век «фельетоническим» не только за обилие кроссвордов и безобразной литературы с ее претензиями на правду жизни, но и за сатирическую форму в изложении этой псевдоправды.

21-ый не лучше. Теперь к профессиональным фельетонистам прибавились политологи, обозреватели, дикторы, а особенно уродливо выглядят спортивные комментаторы. Им выделено несколько секунд, чтобы просто сказать счет в матче, они же такую литературу и такой юмор подпустят и так все это протараторят - хоть стой – хоть падай. А результат матча ты должен вычислить сам, если сообразишь как.

Верх цинизма. На канале «Культура», два профессиональных критика, сначала в пух и прах уничтожают «писателей-сатириков», а потом говорят, что в общем момент сейчас такой, что другого собственно и быть не может, через какое-то время, когда народ подрастет в культурном отношении... и т.п. Представьте себе Дениса Фонвизина, сидящего за столом, в ожидании пока Недоросль станет просвещенным человеком.

Да и при чем тут народ, когда речь идет о культуре пишущих людей. Здесь самое грубое недомыслие большинства среди всей пишущей братии. Сравнивать народ и человека в одних и тех же частностях нельзя - у народа, в отличие от человека, не может быть отрицательных качеств. Иметь такую трибуну, и при этом не задумываться самим, не заставлять думать зрителя, а только чудачить и комиковать, конечно можно, если другого не дано. Но среди юмористов есть безусловно талантливые и понимающие люди. К ним -то и адресованы все упреки.

На книжной выставке посчастливилось беседовать с выдающимся русским философом, социологом, писателем и настоящим сатириком - Александром Зиновьевым. На вопрос: «Зачем Вы соглашаетесь на интервью с тележурналистом, у которого более чем скверная репутация?» он ответил: «Возможность выступить перед большой аудиторией - это очень важно для меня. Здесь я занимаю позицию проповедника. А этот журналист для меня никто». Вот пример для подражания.

Постоянная, искренняя озабоченность русских писателей о судьбе народа и государства - главная и особенная черта. В общественной среде именно по ней оценивался масштаб писателя. При этом естественным и обязательным фундаментом для каждого пишущего было чувство собственного достоинства. Что бы не предать народ, прежде всего нельзя предавать самого себя. А преемственность традиций в русской сатире заключалась в том, что она не

позволяла себе скатываться вниз. Сатирики должны быть готовы к лишениям. За сатиру всегда мало платили, но зато много давали. Особенно при советской власти.

Думаю, что меня правильно поймут, но на советскую власть писать сатиру было все-таки легче. Абсурд имел конкретные и стабильные формы и настолько одинаково пронизывал все, что куда бы ты ни плюнул, всегда попадал в советскую власть. К тому же сатирик мог легко прогнозировать степень своей защищенности. Он кожей чувствовал опасность.

«Снежный ком» был написан в период «оттепели». Однако ничего значимого его авторы потом не написали. Тому много причин, но и сказанное тоже нельзя сбрасывать. Кстати сказать, после визита ректора МАИ И.Ф. Образцова и его команды в идеологический отдел Горкома партии, состоялось закрытое совещание партбюро института, на котором как бы юридически было утверждено решение распустить «Телевизор». Тогда же обсуждался и вопрос о дальнейшей судьбе авторов «Снежного кома». Что же все-таки делать с этими антисоветчиками: выгонять из института нельзя – лауреаты, оставлять – что скажут в Горкоме. Здесь, среди прочих, был и приговор к высшей мере, и звучал он как щелчок наручников: «Тексты - в сейф, а авторов - в партию». И смех и грех. Теперь такого не услышишь. Хороший аналитик на одной этой фразе мог бы защитить диссертацию на тему: - «Советская власть - была не сказка: из нее слова не выкинешь».

Но вот советской власти нет, а назначенная - какой-то компот из десятка «...измов» и крепостничества. Конечно, не может прочно стоять то, что не имеет даже названия. Хрупкость и неустойчивость делают этот компот очень зловонным. Сказать истину еще куда ни шло, но сказать правду... Сейчас намного больше вероятность того, что за правду можно не дожить «до следующего поворота». Но тем и значимее роль сатиры.

Мне кажется, что именно страх породил такой «безобидный» и чудовищный вирус жанра пародий. Из книги Б.М. Сичкина: «Однажды в оркестр пришел прослушиваться молодой конферасье. Что у вас в репертуаре? - спросил Леонид Осипович. Я делаю пародии на Райкина, Утесова, Папанова... Это прекрасно, - перебил его Утесов, - сами-то вы что-нибудь умеете делать?»

Пародия – это, прежде всего сатира и она подразумевает высмеивание. Но высмеивать Райкина, Утесова, Папанова глупо, на них можно сделать дружеский шарж. А когда пародист насмехается над физическими недостатками - это уже кривляние, за которое надо палкой гнать со сцены. Разве полнота Валерии Новодворской или Монтсеррат Кабалье - объект для смеха? Удручает при этом, что пародированием занимаются люди, имеющие прекрасное актерское, техническое и даже гуманитарное образование. Но деньги и популярность так соблазнительны, что дипломы журфака или филфака МГУ, выпускника МАИ или какого-нибудь МЕДа легко обмениваются на должность низкопробного пародиста.

Мой приятель, журналист, долгое время собирал вырезки из газет с «шедеврами» журналистского искусства. Собирал с намерением написать на них книгу пародий. Конечно, смешно и грустно читать статью, посвящённую выдающемуся инженеру:

«И еще один шаг к справедливости. «С первого июля прошлого года,- сказал Гродецкий, - мы начали платить Михаилу Тимофеевичу за каждый изготовленный по его конструкции автомат или охотничий карабин».(так и просится следующий шаг к справедливости - платить Калашникову за каждого убитого из его автомата или карабина – Б.Р.). Что же, даже если люди масштаба Калашникова и работают не ради денег, боек творчества должен хоть иногда попадать в капсуль вознаграждения (жесткое порно. не знаю, кому под силу спародировать это - Б.Р.) («Известия» от 31.10.1997. Автомат на пьедестале. К 50-летию творения Калашникова)».

Что же, даже если боек пародии попадет в капсуль и будет сильнее оригинала (если слабее - просто позор), все равно пародия обречена всегда быть рядом с оригиналом. Причем оригинал должен ставиться в качестве эпитафии. Иными словами, если пародия не настоящая сатира, она - есть памятник бездарности. Так, замечательный, талантливейший человек - Александр Иванов долго развлекал народ своими пародиями на никчемных поэтов. Теперь никто не помнит ни этих поэтов, ни этих пародий. Мне кажется, сам Иванов в конце жизни понял, что фактически состоял на службе у графоманов, а все им сказанное - сказано на ветер.

Мой приятель вовремя отказался от написания пародийной книги, и теперь профессионально использует собранную им коллекцию на занятиях со студентами, будущими журналистами.

Конечно, хороший писатель-сатирик - явление редкое. Даже более редкое, чем хороший поэт. И все же каждому современнику, придвинувшему сейчас к себе лист чистой бумаги и собравшемуся посмеяться над чем-либо, адресуя слова, написанные Жан Полем еще в 1804 году:

«Все серьезное – для всех; юмор существует для немногих, и вот почему: он требует духа поэтического, духа вольного и философски воспитанного, который принесет с собой не пустопорожний вкус, а высший взгляд на мир».

В 1966 году такой взгляд на мир советской действительности бросил «Снежный ком». Как мечтается еще раз услышать голос: «Если хотите узнать правду о России, идите смотреть на ребят из МАИ, МГУ, МЕДа,...» Но для того, чтобы мечты сбылись, надо не лениться, работать - писать и думать:

«... кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет? »

P.S. Спасибо каждому, кто дочитал до конца эту главку. И еще у меня просьба, вдруг среди Вас будет тот, кто видел этот спектакль своими глазами, или знает что-то о нем интересное, или слышал отзывы друзей и знакомых, т.е. у Вас есть любые воспоминания - не считите за труд сохранить их, и пересказать мне. Я вставлю это в текст, с обязательной отсылкой к автору воспоминаний. С благодарностью, Ваш Б.Р.

© Copyright: [Борис Розенблат](#), 2011

Свидетельство о публикации №211021701517

[Список читателей](#) / [Версия для печати](#) / [Разместить анонс](#) / [Заявить о нарушении](#)

[Другие произведения автора Борис Розенблат](#)

Рецензии

[Написать рецензию](#)

Очень хорошо. Интересно. И важно. И не только для тех кто вышел оттуда, но и для тех кто идёт следом. Чтоб знали, как было. Чтобы не тащить нам с собой всякие мерзости, не ходить по кругу и не наступать всё время на одни и те же грабли. Как мы это любим. А "Снежный ком" не потерял своей актуальности и сегодня. И всё что было вокруг тоже. К сожалению. Спасибо и удачи, А.Хаз

[Александр Хаз](#) 01.03.2011 18:52 • [Заявить о нарушении](#)

+ [добавить замечания](#)

Хаз, дружище. Спасибо на добром слове. Буду стараться. И тебе тьму-тьмущую творческих успехов, денег и здоровья. Душевно твой Б.Ш.

[Борис Розенблат](#) 01.03.2011 20:05 [Заявить о нарушении](#)

Розенблат, его зовут Александр, Хаз - фамилия...

[Сергей Якшин](#) 27.04.2011 15:57 [Заявить о нарушении](#)

[+ добавить замечания](#)

[Написать рецензию](#) [Написать личное сообщение](#) [Другие произведения автора Борис Розенблат](#)

[Авторы](#) [Произведения](#) [Рецензии](#) [Поиск](#) [Магазин](#) [Вход для авторов](#) [О портале](#) [Стихи.ру](#)
[Проза.ру](#)

Портал Проза.ру предоставляет авторам возможность свободной публикации своих литературных произведений в сети Интернет на основании [пользовательского договора](#). Все авторские права на произведения принадлежат авторам и охраняются [законом](#). Перепечатка произведений возможна только с согласия его автора, к которому вы можете обратиться на его авторской странице. Ответственность за тексты произведений авторы несут самостоятельно на основании [правил публикации](#) и [законодательства Российской Федерации](#). Данные пользователей обрабатываются на основании [Политики обработки персональных данных](#). Вы также можете посмотреть более подробную [информацию о портале](#) и [связаться с администрацией](#).

Ежедневная аудитория портала Проза.ру - порядка 100 тысяч посетителей, которые в общей сумме просматривают более полумиллиона страниц по данным счетчика посещаемости, который расположен справа от этого текста. В каждой графе указано по две цифры: количество просмотров и количество посетителей.

© Все права принадлежат авторам, 2000-2021. Портал работает под эгидой [Российского союза писателей](#). **18+**